

Валерий Большаков

Другие правила

2005

Большаков В. П.

Другие правила / В. П. Большаков — 2005

Утопия, наконец ставшая реальностью! Нанотехнологии и геномика на самом деле изменили мир. Нет ни армий, ни войн, ни убийств, ни смертной казни... максимум – «промывка мозгов». Рай? Ад! Потому что в привилегированную касту «работающих» входит лишь каждый восьмой землянин. Потому что в комфортабельных «гетто для неработающих» уже появился новый лидер, зовущий себя Локи и готовящий кровавый мятеж. И первый удар повстанцев, которые известны под именем «Пурпурная Лига», принимает проект «Марс» – программа колонизации и освоения Красной планеты...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	32
Глава 5	38
Глава 6	43
Глава 7	51
Глава 8	56
Глава 9	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Валерий БОЛЬШАКОВ

ДРУГИЕ ПРАВИЛА

Глава 1

СЕВАСТОПОЛЬ – АФРИКА – ТРАНЗИТ

– Все в стратолет!

Приказное эхо загуляло рикошетом по казарме, потом громкоговоритель бодро задудел горном. Тревога! Под потолком разгорелись квадраты светопанелей – красных, зеленых, голубых, оранжевых, – разноцветными кусками выхватывая обширный зал. Оперативники, шлепя босыми ногами, убрали откидные верхние лежа, задвигали в стену нижние. И гадали: учебная тревога или боевая? Взаправдашний вылет или так, «в целях повышения боевого мастерства»?

Капитан Глеб Петрович Жилин скомандовал себе «подъем!», спрыгнул и мигом натянул мягкий комбинезон. Оглядел ребят. Самые проворные уже обулись и бежали за оружием, развешанным на стенах, а кое-кто только комбез надел. «Будут тянуть до последнего, – подумал Глеб ворчливо. – Бегай потом за ними...» Ворчал он, впрочем, по привычке, боясь перехвалить. Нормативы всякие не для его «чудо-богатырей». Даром, что ли, жилинскую опергруппу признали лучшей в Патруле? Вон как мелькают – не утонишься... «Как учили!»

Жилин повключал магнитные застёжки на сапогах, притопнул, проверяя, ладно ли, и выбежал из воинского модуля на широкий утопанный двор. Посреди двора, присев на восемь полусогнутых опор, возжигал бортовые огни стратоплан Ил-1066 «Слейпнир»¹, прозванный ласково Кабачком – был «ильюшин» пузатеньким, кругленьким, нехищным.

Шел пятый час утра. Серое небо за Инкерманскими высотами подернулось розовым. Севастополь еще спал, но сизые корабли на Северном рейде уже поквакивали сиренами и разносили над водой неразборчивые мегафонные команды. Пахло чабрецом, полынью и водорослями. Сводным хором трещали цикады.

Жилин заскочил в туалетный блок, ополоснул лицо ледяной водой, пробудился окончательно и понесся к трапу. Оружия с собой он не брал – привык уже, что Сегундо сам обо всем позаботится.

Минуты не прошло, а все уже были на борту – сто двадцать молодцев, «большая сотня» по-старому, опергруппа в полном составе. Жилин топал на свое место, в который раз чувствуя себя учителем, входящим в класс. Для школьника учитель – божество, всеведущее и всемогущее, и надо быть в ладу с детскими представлениями. Постоянно. Никогда не срываясь, не обманывая ожиданий. А в Патрульной службе еще похлеще, чем в школе. Оперативники, десантники, летуны, мариманы – они ж не просто сослуживцы, не друзья даже – побратимы, как когда-то в достославные времена викингов и варягов. Массовые армии выветрили былой дружинный дух, теперь он снова в силе. А и то сказать, нынче во всем Патруле бойцов столько наберется, сколько допрежь в хорошей дивизии числилось. Зато уж эти – самые отборные, любой опер прежней роты стоит. А Жилин – командир. Вождь. Хевдинг. Первый среди равных. Самый-самый-самый. Трудно казаться богом...

Из грузового отсека вынырнул Сегундо – черный робот о двух коленчатых ногах, похожий на огромного кузнечика в трауре. Протягивая Жилину пояс с кобурой, с ножнами, с карманом-аптечкой, кибер сказал монотонным голосом:

¹ Слейпнир – летучий восьминогий конь бога войны Одина (у русов – Водан). – Здесь и далее примеч. автора.

– В пистолет-парализатор и в электрорезак я вставил новые батарейки, в аптечке заменил просроченную ампулу биоблокады.

– Молодец, – рассеянно похвалил Жилин.

– Рад стараться, – по-прежнему монотонно ответил робот, удаляясь в грузовой отсек.

Сзади кто-то хихикнул.

– Внимание! – послышался голос пилота. – Приготовиться!

Стратолет дрогнул, заревел, загрохотал, затрясся. Оторвался от земли, поджимая восемь суставчатых лап. Двор за иллюминатором качнулся и поплыл вбок. Привалило тяжести. Северная сторона растекалась все шире, форты, дома, корабли в бухтах уменьшались, но их становилось все больше и больше. Показалось море, похожее в рассветных сумерках на стиральную доску. Скоро Севастополь почти полностью уместился в круге иллюминатора – двухмиллионный город-порт, раскинувший кварталы от Качи до Балаклавы. Потом все видимое расплылось в померклой стратосферной синеве, белые облачка спустились далеко вниз, а с востока засветило солнце.

– Куда летим, командир? – спросил Аскольд Разумов по назвищу Лунат.

– Понятия не имею... – пробурчал Жилин. Его злило, что генерал до сих пор не объяснил задание. Ну хоть намекнул бы!

– На й-у-юг летим... – зевнул Олег Бурляев, прозванный Буром. – Тебе этого мало?

– На юг к пингвинам? – попытался уточнить Лунат. – Или на юг к крокодилам? Чувешь разницу, Зоркий Сокол?

– Сам такой... А тебе что, не все равно, куда удочку закидывать?

Пассажирский отсек грохнул – об увлечении Аскольда рыбалкой ходили легенды и складывались анекдоты. Жилин позволил себе улыбнуться – не все ж время каменеть, корча из себя идола на кургане...

– Капитан Жилин!

– Я!

С потолка отсека опустился визор на подвеске, развернулся экраном к Глебу и показал лицо генерал-лейтенанта Нелидова, гордое, резкое лицо – крепкие скулы, прямой нос, прозрачные глаза. На погонах с черно-золотым зигзагом тускло переливались по три звездочки треугольничком.

– Стандартная блок-ситуация, капитан, – начал генерал. – Блокада и зачистка. Слева по ходу от Нгоронгоро стоит деревня Лоолмаласин, там засели пурпурные, числом до тысячи, и с ними сам Локи. Этого брать мертвым...

Изображение на экране сменилось – появилась стереофотография какого-то гоблина, анфас и в профиль. Ростом с мальчика, огромный лысый череп, ручки-ножки хиленькие, но пальцы и ступни очень длинные. На плоском лице выделялись глаза – продолговатые, узкие, и зрачки, как у змеи, – прорезью. Локи. Основатель и бессменный глава «Пурпурной Лиги», вождь неработающего класса, психократ, подчиняющий чужое сознание. Сверхчеловек, сверхмыслитель, сверхэмоционал, сверхмерзавец. Андроид, потугами дурных евгеников запущенный в существование в секретном «ящике» и взявший себе имя зловредного и пакостного божка.

В конце 60-х, когда нанотехнология стала неотличима от магии, когда универсальные репликаторы, словно тяжеловесные волшебные палочки, превращали мусор в «продукты» и в «промтовары», пошло время Изобилия с большой буквы и – гигантских социальных потрясений. Люди ж иначе не могут...

Подавляющее большинство активного населения выводилось из производственных процессов. Труд вообще переставал быть «общественной необходимостью», и людей обратно потянуло делиться на классы – на работников и неработающих. Локи, наверное, самым первым занялся серфингом на мутной волне конфликта между получавшими зарплату и теми, кому

доставался «гарантированный минимум благ». Локи много говорил о «технологической контрреволюции», призывал сдерживать технический прогресс и указывал верный путь – к «медленной цивилизации». Его болтовне вняли. Оказали поддержку. Газеты захлебывались эксклюзивом, на все лады расписывая, сколько Локи зомбирова́л народу, всех подряд обращая в «вершителей»-слуг и в бойцов-«исполнителей». И разгулялся «пурпурный террор»... Громились лаборатории, изничтожались ученые, а зоны объектов научных групп кое-где порой превращались в зоны боевых действий. Проекты «Большая шахта», «Кристалл-2», «Марс» пихали цивилизацию под микитки, смыкали настоящее с будущим. Локи пытался рассечь эти смычки. На неделе пурпуры атаковали систему микропогодных установок в Восточной Африке, выстроенную по проекту «Аква». По человеческому хотению, по велению синоптиков, система проливали́ла дождь или разгоняла тучи. Короче, хоронила в памяти значения слов «засуха» или «паводок». Локи же «Аква» поперек горла встала. Исполнители успели подорвать две башни микропогодников – в Мбалагети и Олала – и стянулись в Лоолмаласин, где строилась синоптическая база-лаборатория. Требовалось изолировать зону ЧП, подобрать усыпленных пурпуров, пока их гиены не учуяли, и перебросить к передвижным селекстанциям на предмет фильтрации. По законам военного времени к «исполнителям-вершителям» применяют глубокое ментоскопирование в добровольно-принудительном порядке и точно визнают меру ответственности и вид наказания. Кто-то отделается операцией на сознании и курсом «позитивной реморализации», кому-то вживят мозговой датчик и приговорят к постоянному психологическому надзору с активным воздействием на психику. А кому-то светит и решетчатая трансформация индивида по классу «А», то есть полная замена личности. «А ты не воруй!» И не причиняй смерти.

– Все ясно? – спросил генерал.

– Так точно.

– Вопросы есть?

– Никак нет.

Генерал засопел.

– Осторожнее там... – пробурчал он и отключился.

Жилин успокоился и оглядел своих. Опера были деловито-спокойны. Как истые вояки, они использовали минуты отдыха по максимуму. Кто знает, может впереди двое суток рейда, когда атака следует за атакой и даже моргать желательно пореже, чтобы не пропустить мелькнувшую цель?

Такие люди были всегда, подумал Жилин. Бойцы, ратных дел мастера. С самых пещер они стоят на страже, отбивают врагов, защищают свою родню, свой город, свое тридцатое царство, свою Планету. В кожаных штанах и с копьем из выпрямленного бивня мамонта. С мечом и в кольчуге. Со шпагой, в ботфортах и в брабантских кружевах. С кольтом и в стетсоне. С трофейным «шмайссером» и в обгорелой гимнастерке. С биопарализатором и в легкой броне с мускульными усилениями.

Княжеская дружина, лейб-гвардия, РККА, Советская Армия, Российская... Патрульная служба. Закончен ли этот ряд? Угомонится ли через сто лет человечество или воины будут призваны по-прежнему? Вряд ли отпадет нужда в этой древнейшей мужской профессии... Жилин уставился на Кирку Хрусталева (сокращенно Хруст). Тот дремал. Хрусталева... Начиная городским, следил за порядком на киевских улицах. Занялась «Гражданка» № 2, подошла союз стран со всех концов, и старший полицейский Хрусталева не утерпел – перевелся в Патрульную службу. Вместе с бригадиром Нелидовым штурмовал Новосибирск, ходил в рейды по Туркестану, устраивал блокаду Баку и Кенигсберга. Под командой Славина, тогда еще капитан-командора, очищал от пурпуров евразийские лунные базы – «Полярную» и «Луну-Главную». Жилин перевел взгляд на Даньку Киселева. Кисель – бывший глубоководник. Полгода водил танк-батискаф по абиссальной равнине к западу от Восточно-Тихоокеанского поднятия,

собирал катыши железомарганцевых конкреций, ломал сульфидные башни «черных курильщиков» и грузил всем этим добром подводные баржи-автоматы. Видывал и гигантских кальмаров, и на сокровища затонувшего корабля натыкался... Вторые полгода работал «на солнце», под пальмами искусственного острова Витязя, оператором на предприятии ПО (повышенной опасности) в системе «Продамет». Испарял конкреции в реакторной печи, прогонял металлический пар через селекторы и напускал его в кристаллизаторы – отдельно «нифе», отдельно цинк, медь, молибден, кобальт... И бросил все это – и глубины, и кальмаров, и смугляночек-вахине под пальмами. Променил странные железомарганцевые стяжения на железную дисциплину Патруля. На подвиги, говорит, потянуло... Жилин повернул голову направо. Федя Сегаль. Отслужил год в Патруле и поступил в Пермский университет. Выучился, сделался толковым наноинженером, получил назначение на завод матричной репликации, обслуживающий распределительную сеть Екатеринбурга, дослужился до старшего инженера синтез-комбината... и снова ушел в Патруль. Рассказывал, что хотел попасть в Службу Охраны правопорядка, но там такой конкурс... Решил годик перекантоваться в операх, а потом попробовать по второму разу, но затянуло, свыкся с тревогами и силовыми акциями, да и группа подобралась хорошая, жалко бросать...

Жилин посмотрел налево. А у Ляхова все предки по отцовской линии – офицеры. Отец – кавторанг в Береговой Охране. Дед был полковником Российской Армии, Абхазияу отвоевывал в 2007-м, Крым брал в 2011-м. Прапрадед защищал Сталинград, а прапрапра... воевал в Добрармии. Правда, мать Генки спала и видела «сыночку» на сцене, во фраке пианиста, но «сыночка» обошел консерваторию вокруг и притопал в Военную академию.

Жилин откинулся в кресле и закрыл глаза. А кто ты, Глеб Жилин? Ты алкал совместить две свои склонности – к кибернетике и к справедливости, – и ты этого добился. Кандидат технических наук Жилин прошел Пятидневную, Сентябрьскую войны и такую долгую, стодневную, Вторую Гражданскую. Подпоручиком, поручиком, штабс-капитаном. На твоём организме оставили шрамы демилитаризации и «миротворческие операции». Но ты сам не знаешь, чего хочешь. Прибавляешь к отпуску премиальные недели и любовно обсасываешь какую-нибудь мелкую проблему из области экспериментальной кибернетики. Но добиваешь тему уже со скукой на лице – чувствуешь нехватку адреналина в крови, снова тебя тянет к опасностям, к великолепным переживаниям на грани между тем и этим светом... Так кто ты? Чего ты по-настоящему хочешь? Зачем тебе Патруль? Сделать карьеру жаждешь? Так тебя уже Дважды хотели повысить – сам отказался занимать отдельный кабинет. Взыскуешь благ? Спишь и видишь себя академиком? Или просто не тех книг начитался и ищешь приключений на афедрон? А ведь тебя предупреждали: Патрульная служба – это на 90 процентов нудота, на 10 процентов – работа, а приключения занимают ноль целых хрен десятых...

– Командир! – донеслось из пилотской кабины. – Выходим на цель!

– Понял! – Жилин поднялся и скомандовал: – Надеть брони!

Сто двадцать человек дружно встали и слитно отшагнули к боксам. Заученным движением Глеб влез в нижнюю часть легкого боевого спецкостюма. Руки сами хватили раскрытый «топик», похожий на задубевшую куртку, вывешенную сушиться на мороз, продевались в рукава, соединяли «верхушку» с «шароварами», защелкивали. Шлем – на голову. Кислородный баллон – в гнездо. Патрон регенератора – до упора, клапан открыть. Аккумуляторный пояс – в зацеп. Пистолет-парализатор – в держак. И – бегом на десантную палубу.

– По капсулам! Первая секция – пошла!

Громко топя, первая дюжина оперов пробежала в хвост стратолета, боком проскальзывая мимо боевых капсул, сделанных в форме линз.

– Вторая пошла! Третья!

В командирскую капсулу Жилин вошел последним, устроился на ложементе, скупой усмешечкой ответил операм, скалящимся от избытка жизненных сил, и отжал фиксаторы.

– Цель захвачена, – прошло сообщение с боевых постов.

– Кормовой биопарализатор... – затянули в пилотской кабине. – Залп!

Тело у Жилина онемело, словно под общим наркозом, но скоро чувствительность вернулась – забегали мурашки. Обзорный экран раскололо голубым парализующим лучом. Лоол-маласин была такой малюсенькой, что биопарализатор накрыл ее одним импульсом.

– Залп!

Н-да. Tempora mutantur. Сокрушить орду убийц, никого не лишив жизни! Уметь надо. «Проблему бескровного воздействия» все решали по-разному. Патрульные дирижабли Австралии, например, сбрасывали шашки с усыпляющим газом. Продвинутые евроамериканцы предпочитали стан-бомбы в оглушающем или иммобилизующем режимах. А Патрульная служба Евразии приняла на вооружение волновую психотехнику – тут мы впереди планеты всей...

– Боевым постам – дробь! – четко прозвучало в интеркоме. – Вернуть стволы в диаметрально плоскость. Внимание! Тридцать секунд до десантирования! Дать команду на закрытие переходного люка!

– Даю команду, – сказал Жилин. Транспарант «Внешний люк открыт» погас.

– Понял вас, – отреагировали в пилотской кабине. – Расстыковку разрешаю.

– Команда «Расстыковка» подана. Начать десантирование!

Толчок, рывок, и боевые капсулы одна за другой просыпались в необъятный синий простор. Зеленая саванна с лиловеющими горами и красными прожилками дорог накренилась, опрокинулась вверх и плавно скатилась на место.

– Идем по программе, – бубнил в наушниках голос Луната. – Маскировка включена, «антирадарка» работает.

На пульте вспыхнул транспарант «Признак „Спуск“».

– Все в норме.

– Выровнять строй, – приказал Жилин, – спускаемся «кольцом». Держать дистанцию!

– Есть держать дистанцию!

– Начинается забортный шум... Скоро пойдут вибрации.

– Перегрузка?

– Перегрузка три. Шум увеличивается. Вибрации тоже... Ждем торможения. Всем приготовиться к высадке!

– Всегда готовы, – сказал Разумов и подмигнул вольноопределяющемуся Иловайскому. – У нас ушки на макушке, а в ручонках погремушки!

Ушли вверх облака, и на экранчике пульта открылся Серенгети – горы Банаги и Серонеры мстились совсем крохотными, с краю видна была Ленгаи, «гора господня» в переводе с масайского, а с другой стороны светилась серебристая полоса озера Укуруве. Жилин почувствовал резкий прилив тяжести.

– Есть торможение! Высота пятьсот метров... Триста метров... Сто... Внимание! Сработали двигатели мягкой посадки!

Скакнула перегрузка, затемнив глаза, и капсулу резко ударило под днище. Ничего себе мягкая...

– Начать блокирование зоны! – отчеканил Жилин. – Пошли!

Сегментный люк отвалился трапом, и вся секция побежала вокруг капсулы, занимая круговую оборону. Левее и правее, выдвинув тонкие опоры, вязли в красном латерите капсулы Хруста и Бура. Закамуфлированные киберразведчики мчались по широким спиральям, высматривая опасность. Проявившись полупрозрачными чечевичками, с неба упали большие грузовые капсулы. Глухо загрохотав, вытянули до самой земли трепещущие факелы оранжевого огня. Мягко просели, выпустили шасси и скрылись в туче красной пыли. По откинувшимся сегментникам выкатились на гусеницах объемистые, мощные боевые киберы типа «Вий». Мгно-

венно перекрасившись по варианту «Саванна», «Вии» окружили деревню, и миниатюрный пульт управления у Жилина на обручье запестрел сигналами готовности.

А вокруг была Африка, цвела бешеным разноцветием, купалась в солнечном горении и пахла – горько, надсадно, одуряюще. Зелено-дымная саванна звенела, дышала, бурлила жизнью. Совсем рядом с командирской капсулой выпирал из земли массивный, чудовищной толщины ствол баобаба-мбуйю, невысоко распадаясь множеством огромных узловатых сучьев. Оплывшие бока гиганта были исчерчены бивнями слонов-тембо. Эти стояли рядышком – спины заляпаны птичьими кляксами, на боках светлые полосы царापин. Выдрав пучок травы с корнем, слоны околачивали землю о бивень или ногу и пихали в рот. Из-за кустов терновника и перистых ветвей казуарин выглядывали рога антилоп. Винтообразные, соображал Жилин, это куду. Отсюда не видно – большой или малый. Лировидные украшали импал, а ориксы покачивали рогами-«шпагами». Косматая гну, опустив к земле лошадиную морду и по-коровьи взбрыкивая ногами, запылила в тень тамаринда, спугивая желто-черно-белую газель Томпсона, по-простому – «томми».

На ветвях акаций, подле своих перевернутых гнезд, гомонили, качаясь вниз головой, ткачики. Леопард-чюи искусно прятался в развилке раскидистой сейбы, но его выдавал свесившийся хвост – он слегка подергивался, «кошке» снилась «мышь».

За сухим руслом речки, изрытым «слоновыми колодцами», пылилось давно не сеянное поле-шамба. Последние рядки подходили к боме, изгороди из срубленных колючих кустов, обносящей по кругу Лоолмаласин – нищую деревушку, убогую и вшивую, но с фаллическим силуэтом минарета над соломенными крышами.

– Выдвигаемся, – скомандовал Жилин. Крайний слон, обсыпавший себя пылью, вдруг оставил это занятие и встопорщил уши, неуверенно поднимая хобот – юркие киберразведчики, похожие на огромных богомолов, пугали серого великана. Жилин отозвал скибров. Слон похлопал ушами, подумал и вернулся к «банным процедурам».

– Строимся «клинья!» – сказал Жилин. – «Вии» прикрывают тыл и фланги!

Шаг за шагом подкрадывались опера к деревушке, тошнотворно неопрятной, смрадной, унылой, с тучей ревуших мух, подкрадывались не к базе, не к лагерю – к загону, запакощенному, пыльному, заставленному круглыми хижинами, обмазанными навозом пополам с глиной, нездоровому, угрожающему, душному и чадному, полному одуревших тощих коров и злых людей, все никак не желавших сложить оружие и упорно продолжавших вредить... и вести свою бессмысленную войну... и убивать, убивать, убивать...

Главную улицу, пыльную и замусоренную, перегораживал полосатый бронеход пурпуров, зализанный, со свернутым набок метателем. Из люка свешивался усыпленный исполнитель в черном комбинезоне, перепачканном известкой. На широкой гусенице почивал, пуская слюни, вершитель в белом, измаранный копотью. Пахло гарью и раскаленным металлом.

– Нечетные секции чистят, – распорядился Жилин. – Четные патрулируют. Бур, погрузчики где?

– Ща причапают!

– Давай быстро...

Все деревенские лежали в лежку – исполнители, вершители, босые масаи в заношенных куртках из тетраткани, дородные негритянки, бритые наголо и с уймищем бус на шеях. Стандартная блок-операция. Все было как в том месяце, как в том году – десантные капсулы приземляются, охватывая зону ЧП плотным кольцом блокады. Выскакивают brave опера, рассыпаются по кривым, вонючим закоулочкам, и уже слышны горячие выхлопы пистолетов-парализаторов, и brave киберпогрузчики хватают обездвиженных пурпуров и тащат их, словно черти, влекущие во ад души грешные, и brave капитан Жилин выходит на рыночную площадь. Лощеный, подтянутый, высокий, широкоплечий и узкобедрый – краткими отрыви-

стыми фразами он отдает приказание... И совершенно по-дурачки, сиволапо и срамно, попадает в засаду.

С минарета, с той площадки, откуда муэдзин скликает правоверных на молитву, вдруг забил лазер-мегаваттник. Фиолетовый луч бил часто и прицельно – старшего оперативника Ляхова он прожег насквозь, еще и полосатый танк продырявил, насадив человека и машину на вертел сверхсолнечного огня. Лопнула пробитая цистерна с протухшей водой и расплескалась ржавым кипятком. Мощным фугасом рванула заправка с корявой надписью «Hydrogen mixt», рухнула стена, кирпичи облились скворчащей газурью.

– «Виям» – по минарету! – заорал Жилин. – Огонь!

Ансамблем провыли лучеметы, и струи высокотемпературной плазмы слились в лиловый клуб. Ветхая башня не выдержала – посыпалась пыль, большущие куски штукатурки полетели вниз, оголяя кладку. Минарет стал тяжело оседать, словно проваливаясь под землю, и густая пыльная туча закутала площадь, гася и свет, и звук. «!.. – рычал и матерился Жилин. – Чтоб я еще раз связался с... летунами! Облучили, называется!»

В клубившемся ржеом облаке затыкал крупнокалиберный пулемет – и где только инсургенты откапывают подобное ржавье? Тяжелые разрывные пули не прошибали боекостью, но бойца метров на пять отбрасывали. Длинные очереди трассирующими скрещивались и расходились, перегрызая столбы навесов, разрывая обездвиженные тела – и своих, и чужих. И вдруг грохот и визг пальбы пропал, и трассеры погасли, и ПП – табельные пистолеты-парализаторы – перестали прыскать тускло-голубыми лучиками. Чувство провала, несказанно мучительное ощущение падения в бездну, придавило сознание. Глебу казалось, он вскипает и испаряется, распадаясь на клеточки в гибельном холоде и в ужасающем мраке...

Жилин вынырнул из нави, непонятно как возвращая целокупность телу, неизвестно чем отыскивая ориентиры, утраченные рассудком. Злым упрямством, быть может? Ноги подкосились, он упал лицом в истоптанную, унавоженную, липкую красную глину – и разбил нос об лицевой щиток. Очухался и отжался. «Что это было? – вяло подумал Жилин. – Похоже на психоатаку... Словно попал под удар гипноиндуктора...»

В оседающей пыли к нему шел человек – маленький совсем, «полтора метра с кепкой», но с громадной головой, как на детском рисунке, и с глазами змеи. Локи! Жилин испытал внутренний нервный взрыв и содрогнулся от удивительного, оргастического удовольствия. Однотонные мысли замкнулись в цепь, а в пустой голове зазвучал высокий, холодный голос: «Повинуйся, слуга!» Напрягшись до слома, Жилин сложил три буквы: «Нет!» – «Подчинись моей воле!» – «Нет, я сказал!» – «Клянись в верности!» – «Фиг!»

Непослушной рукой капитан Патруля выцарапал из кобуры ПП и открыл огонь. Перед глазами мерцание, ствол дрожит и расплывается. А синие лучики никак не могли попасть, били и били в пыль, лишь случайно зацепив ногу Локи. Хромая, психократ отступил. «Типа герой!» – снасмешничал голос. Локи сорвал что-то с пояса и швырнул Жилину под ноги. Мина-паук! Блестящий шарик, размером с бейсбольный, выпустил проволочные лапки, пробежал с полметра и прыгнул... Сегундо скакнул наперерез, но его отбросило взрывом.

Расколослось небо. Земля закувыркалась в огненной свистопляске. Нечеловеческая сила разодрала на Жилине спецкостюм и оторвала обе ноги, вывалила в красную латеритовую грязь сизые кишки, хрястко изломила спину... Страшно. Кто-то знакомый, размазывая по щекам слезы, сажу и кровь, запихивал Глеба в стандартный реанимационный бокс. Голос в наушниках: «!.. Где стратоплан, я спрашиваю?! Живо сюда! Командир ранен!»

Чьи-то руки помогли уложить как надо жалкий человеческий обрубок в горелом камуфляже. И докатилась боль – резучая, нылая, палящая боль, и Жилин провалился в цветущую пустоту...

В Новгороде Великом есть улицы Розважа и Пруская, Рогатица и Людинцева, через Волхов перекинут Великий мост, а ниже его тянется набережная Буян.

Москвичи ходят по Остоженке и Садовому кольцу, живут в Хамовниках, а работают в «Останкино». А Одесса? Ланжерон и Аркадия, Дерибасовская и Портофранковская, Французский бульвар, Молдаванка, Пересыпь, Привоз! Это не топонимы. Это музыка.

Целые поколения складывали их, веками держались, и оттого они особенны и неповторимы. От каждого такого названия веет давнопрошлой жизнью – дымком и парком русской бани... запахом смолистых досок... парным молочком... смородиновым листом, растертым в пальцах... Не всякий город мог с давности хранить в памяти людской похожие знаки, выделявшие его из прочих человеческих селений, подведенных, увы, под общий знаменатель стандарта. Севастополь – смог.

Катерная, Шестая Бастионная, Якорный спуск, улица Камчатского люнета. Звучит ведь! А Графская пристань? Апполоновка? Корабельная сторона? Артиллерийская слободка? Чувствуете, как окутываются парусами линкоры и пароходофрегаты? Как грохочут бомбарды, как лупит картечь по оранжевой черепице, сшибая ветки с кипарисов? Как шумит море, перелопачивая гальку? Как шелестит отбегающая волна – Севастополь...

Капитан Жилин думал об этом, и ничто другое не занимало его мысли. Иногда, правда, память открывала видение... Африка... Зеленая трапеция Нгоронгоро... Огонь, боль, нескончаемые ночи в госпитале...

Жилин поморщился и мотнул головой, будто отгоняя тошное воспоминание. Не нужно было возвращаться в прошедшее, не нужно... Да разве память приневолишь? Вон что вытворяет, гадина... Ладно, хватит об одном и том же. Можно же хоть недолго просто так походить, полюбоваться видами, а в Севастополе есть на что посмотреть.

Глеб поднимался по извилистым лестницам со стертymi ступенями из ракушечника – «трапам», как их называли севастопольцы, – вставал на парапет, шарил взглядом и обязательно находил синее море. Выбирался узкими проходами среди ракушечных стен на солнце – и встречал глазами морскую синеву. Море, корабли, Херсонес, поднимаемый из руин, бастионы... Хороший город.

Ну где еще такое можно увидеть? Оранжевая пластмассовая черепица и темная глянцевая зелень кипарисов... На фоне синего, как стратосфера, моря. Стены домишек из белого инкерманского камня сливаются с белеными каменными заборами, над которыми висят на жердях виноградные лозы. Калитки глубоко врезаются в каменные изгороди, а рядом вмурованы черные ядра. Еще бы убрать голубые ящички пневмопочты у калиток и конусы энергоприемников на крышах, и можно представить, как тут было во времена «Очакова и покоренья Крыма».

Жилин шагал по плиточной мостовой, ведомый капризом: вот заросший дроком обрыв с лестницей-трапом. Спускаемся. А вот тут вековые каштаны бросают трепещущую тень. Постоим. Нагулявшись, он свернул направо, к лестнице Крепостного переулка. «Трап» уползал вверх вдоль желтой стены с бойницами – все, что осталось от Седьмого бастиона. На верхней площадке Жилин остановился. Отсюда хорошо был виден купол Владимирского собора, выглядывали стеклянные откосы небоскребов у Камышевой бухты, кружева стальных автострэд и легкие, с виду даже хрупкие, горбчатые мосты, переброшенные с Южной стороны на Северную.

Жилин посмотрел на часы – третий час... Но полчаса еще можно побродить.

– Добрый день, Глеб, – послышался знакомый голос.

Жилин удивленно обернулся. На теплых камнях стоял его Сегундо.

– А ты-то здесь откуда?

– Начальник санатория для тяжелобольных, военврач 2-го ранга Копылов Владимир Кириллович, – монотонно заговорил кибер, – приказал найти вас и передать, что он до 15 часов 25 минут будет находиться в Константиновском форте.

– Понятненько... – Жилин глянул на часы. Ладно, за пять минут не надышишься. – Пошли тогда отсюда.

Поймав такси, капитан поиграл клавишами маршрутизатора и устроился поудобнее, вытянув ноги и положив руки на спинки сидений. Поехали... За прозрачным колпаком машины искажались, уплывали назад стеклянные, белые, разноцветные дома; затеняли яркий свет солнца курчавые парки и садики.

Извилистыми и запутанными улочками такси перевалило вершину холма и покатило мимо старых бастионов. Вросшие в землю лафеты. Зеленые брустверы. Пузатые бомбарды. Синее море в амбразурах.

Народу не сказать, что много, но все как сговорились – щеголяли в нарядах ярчайших и незамысловатых. Модно раздетые девушки прогуливались в золотых плащиках или в блестящих, как ртуть, накидках. Бесштанная команда загорелых мальчишек лазала по горячим карронадам, отполированным коленками и задницами. Попадались навстречу полуголые отроки в серебристых шортах и в сандалиях на босу ногу. Молодые дамы уж какой сезон подряд носили широкие, выше колен, юбки и что-то вроде тугих корсажей, поддерживающих низко открытую грудь. Хотя... Кто их знает, этих дам? Молодость – понятие растяжимое. Женщинам могло быть и тридцать, и семьдесят. Вон, у фонтана, гуляет мадам с ребенком (дитя – на руках у работа-няни). И кого же мадам тетешкает? Кому делает «козу»? Сыночку или правнучку? Поди сейчас разберись...

Мелькали кипенные галабийи, лиловые хламидки, мини и макси; качались синие чалмы, красные фески, белые панамы, соломенные брыли... Карнавал. А покинь прохладный салон – и тебя закружат вихорьки разноязыких лексем, заметет веселая болтовня, где пересыпаются, словно конфетти, «якши» и «о'кей», «са ва?» и «коннити ва», «шалом, Иван!» и «здоров, Наум!».

Такси вильнуло в сторону и притормозило, пропуская колонну людей, с головы до ног закутанных, замотанных, закукленных в белое и несвежее. Они несли хоругви и тщились при-дать сытеньким лицам вид кроткий и благостный. «Вроде ж взрослые люди, – поморщился Жилин, – а верят во всякую ерунду! Лишь бы не думать...»

– Каждый сходит с ума по-своему, – заметил он вслух.

– Не понял, – отреагировал Сегундо.

– Это я не тебе.

– Понял...

Машина тронулась и погнала дальше. Прокатилась по Большой Морской, мимо «дома с шариками» (по мягким изгибам стекол побежали узорчатые тени гигантских платанов и тополей), мимо Матросского клуба, имеющего сходство с центральным павильоном ВДНХ, вынеслась на Корабельную набережную (покидая бухту, клонил белоснежную громаду парусов четырехмачтовый барк «Замора», покачивали мачтами океанские яхты, рейсовая субмарина плугом взрезала воду). Рывкнув мотором, такси взлетело на стрельчатый мост. С него лучше стал виден Северный рейд, зажатый желтыми крутыми берегами. Сейчас в воде у причалов отражалось всего два остроносых корабля – ракетно-лазерные крейсера «Измаил» и «Кагул». Весь флот в разгоне. Авианосец «Генерал Алексеев» еще с вечера ушел на базу ЧФ в Алеппо, туда же вроде собирался катамаран «Генерал Корнилов». Крейсер «Аскольд» в Николаеве, чинится. А «Корфу» с «Цериго» вообще неизвестно, где сейчас... К «Измаилу», как малышня к воспитательнице, жались крепенькие белые катерки Береговой Охраны и патрульные яхточки спасателей. Хоть что-то... В Петропавловске и этого не увидишь – одни самоходные подводные баржи качаются у причальных стенок да один-два молочных танкера с китовых ферм.

Вход в Северную бухту стерегли два могучих форта – Константиновский и Александровский. Их мощные бастионы, сложенные из серо-желтого крепчайшего крымского известняка, прорезались двумя ярусами широких амбразур.

– Поезжай в Константиновский, – велел Жилин.

– Принято, – сказал автоводитель.

Раскрутившись на съезде, плавно развернувшему свои витки в улочку, стелящуюся вдоль выщербленных, песочного цвета стен рavelина, атомокар покатыл, огибая форт, и завернул в темный арочный проход с воротами из решетчатого чугуна. Ворота стояли, распахнутые настежь – был уже конец рабочего дня, офицеры и матросы переодевались в партикулярное и разъезжались по домам. Оставались дежурные и те, кто был одинок, а кого-то еще держала работа.

Посреди полукруглого двора, мощенного каменными плитами, со свечками пирамидальных тополей у входов в казематы, стоял тяжелый птерокар класса «Гриф», принадлежащий медслужбе корпуса. Под сложенным крылом сидел на корточках военврач Копылов, пухленький и румянький, и с увлечением разглядывал листики подорожника, пустившего корешки между камней.

Жилин подошел к добрейшему Кириллычу – тот уже улыбался ему и ласково кивал – и отдал честь.

– Господин военврач 2-го ранга, по вашему приказанию прибыл.

– Да ладно... – засмутился Владимир Кириллович, – я же так, просто... Знаю, что в кабинете вам... хм... не очень-то. Гуляли?

– Так точно, – ответил Жилин, – гулял. Раньше я и не заглядывал на Южную сторону – все бегом, все некогда было...

Раньше... Жилин насупился. Раньше он постоянно пропадал в гарнизоне, со своими «мордворотами», всегда в веселом напряжении, а дадут команду: «Всем в стратолет!» – бегом бежал на борт и только в воздухе узнавал, куда их выбрасывают на этот раз – месить грязь в парных джунглях или коченеть среди отполированных бурями нунатаков... То было раньше. А теперь...

– Глеб Петрович, – осторожно сказал военврач, – вам совершенно необязательно увольняться из Патруля. Конечно, в десант вас никто не пустит, это ясно, но... вы очень даже годны для штабной работы! Ваш опыт...

Глеб улыбнулся и пожал плечами.

– Владимир Кириллович, ну какой из меня штабист? Сами подумайте. Я ж там на паутине удавлюсь или утоплюсь в чернильнице! От скуки! Ну, не привык я по паркетам шаркать! И штаны протирать тоже не хочу, пусть даже и с широкими лампасами. Мое дело – заложников освобождать, паразита какого-нибудь за жабры брать, а не исходящие регистрировать!

Военврач грустно покачал головой:

– И куда вы теперь?

Жилин в затруднении поскреб в шевелюре.

– Думаю уйти в проект «Марс». Заявление я еще в том месяце подал. Сейчас вот вызов пришел. Съезжу в Новгород, узнаю, что там и как...

– И правильно! – с жаром сказал военврач. – Марс – это то, что надо, лучше не придумаешь! Документы ваши готовы уже, будет нужно – пошлете запрос в Центральный Государственный Информаторий – они там все должны быть. Допуск у вас сохранился? Ну, вот видите, как хорошо! Да, а выписку я вам оформил уже, и на увольнение... – Копылов улыбнулся. – Генерал ваш еще и накричал на меня, не хотел отпускать вас... Но побушевал-побушевал и подписал – куда денешься?

Жилин представил себе генерал-лейтенанта Нелидова – гвардейского роста, поджарого, с зычным голосом, с откинутым на затылок беретом, порывистого, властного, резкого, нетер-

пеливого... и как он костерит бедного Владим Кириллыча... и сам страдает от собственной грубости. Краснеет, злится, нервничает...

– Да, вот еще что, – припомнил Копылов. – Вас поставили на учет в Московском институте регенерации... Ну, вы понимаете... И хотя бы раз в три года вам нужно будет там появляться для профилактики. Строго обязательно!

– Слушаюсь!

– Не подведете?

– Никак нет! – Обычные чеканные речения выговаривались сами собой, по памяти, и оставляли горький привкус на губах. А может, это просто запах полыни, занесенный ветром?..

– Разрешите идти?

– Идите... Да давайте я вас подвезу! Вам куда?

– Да мне аж до Аэро-Симфи... Не ближний свет.

– Подумаешь! – фыркнул врач. – Садитесь!

Глеб махнул рукой:

– Ладно, уговорили! Сегундо, полезай в багажник!

– Приказ понял, – сказал кибер и разлаписто полез в люк. Глеб поставил ногу на согнутую опору и, прислушиваясь к себе, ожидая, что будет болькотно, запрыгнул на сиденье. Ничего. Нигде не резануло, не натянулось, не засвербило. Конечно, ловкость уже не та, что была. Ослабел организм. Ну так вчера ж только выписался! Не все сразу. И вообще – хватит уже ныть! Ну кончилась его служба, так и что теперь? Из жизни-то его никто не увольнял пока! Может, все еще и к лучшему? Теперь он по крайней мере свободен. Займется, уже по-настоящему, кибернетикой, допишет докторскую... И с Маринкой будет теперь постоянно, а не так, как раньше – по великим праздникам. И ей переживать за него не придется. А космос?! А Марс?! Да господи, что там говорить! В мире столько чудес и диковин, и он так велик, что любую почти утрату способен возместить с лихвой!

– Пристегнитесь!

Глеб опустил фиксаторы. Птерокар оттолкнулся суставчатыми опорами, подпрыгнул, взмахнул крыльями и, перекобочась, стал набирать высоту. Шатко кружась, ушел вниз равелин в виде подковы, повторяющей очертания мыса. Михайловский форт выглядел в плане широкою «П» с закругленными углами, продолженными башнями. Крутые берега обсыпались блесотью белых домиков, как булка с гамбургером – семечками кунжута. Засверкали и запереливались бликующие окна, бухта отразила белый суперлайнер, слоистый от множества палуб. Приблизились и легли под крыло Мекензиевы горы. Хотя какие это горы? (Глеб припомнил Гималаи.) Так, горушки. На ум пришла аналогия с пожатками берегами десантников. Но все равно – красиво... Поплыли благодатные зеленые долины с отелями и виллами вразброс, крохотные поселочки и фермы, бархатные кольца насаженных лесов и черные квадраты челночных пастбищ.

Глеб загадал, что все будет хорошо, если он еще раз увидит море. Крылья машины замерли. Несомый теплыми воздушными течениями птерокар с шелестом описал круг, и вдали, морща соленую влагу, перебирая сизый глянец, поднялась волнистая поверхность, подмигнула высверком: «Все путем, командир!»

Глава 2

ЕВРАЗИЯ, НОВГОРОД

Прибыв в столицу, Жилин не стал связываться с вертолетами, птерами и прочими летательными аппаратами, а дошагал до станции старого доброго метро и спустился на старый добрый перрон.

Если подумать, он никогда и не был особенно падок до всего нового и прогрессивного и птерокаром пользовался лишь по тревоге или по нужде. Ну, не приохотился он ко всем этим винтам и крыльям, что ж тут делать! И высоты не любит. Терпит только. К тому же, когда болтаешься в воздухе, все твоё внимание уделено машине. В небе ты – пилот, и это мешает думать. А вот думать Глеб Жилин как раз-то и любит – соображать, размышлять любит, просто фантазировать, и чтобы ничего не отвлекало, не дергало, не требовало участия. А придет тебе в голову рефлексия, когда ты под облаками выкрутасы всякие выделяешь, фигуры высшего пилотажа крутишь? То-то и оно. Не-ет, лучше уж он по старинке дотрюхает, пусть даже лишних минут десять уйдет...

Жилина мягко толкнуло воздухом, теплым и словно наэлектризованным. Возник и заскользил по стене белый набегающий свет. В нарастании свистящего гула и огней из полукружия туннеля вылетела стеклянная сигара головного вагона, замельтешили в окнах лица, прически, шляпы, яркие пятна одежд – и упруго задренчали тормоза.

Из-за разъехавшихся створок донесся ясный голос:

– Станция «Розважа». Пересадка на Неревско-Славенскую линию.

Человечий прилив хлынул на платформу, закружил между круглых пилонов, выложенных яшмой, загомонил, затопал и растекся по переходам, унесся на эскалаторах – вверх, вниз, в стороны...

Жилин вошел в хвостовой вагон и присел на узкий диванчик, изогнутый подковой вместе с закругленной задней стенкой.

– Осторожно, – бархатисто молвил автомашинист, – двери закрываются. Следующая станция – «Чудинцева».

Створки с шелестом сошлись, моторы застонали, все выше и выше поднимая вой. За окном проплыли выпуклые, горячей медью выложенные буквы – Р-О-З-В-А-Ж-А. Еще одно название станции проступило расплывчатой скорописью, а последнее и вовсе промелькнуло, сливаясь в золотую тень. Чернота туннеля заглотила поезд, как блесну, мягко закачала его, замигала яркими огоньками, погнала бледные отсветы по гладкой полосе монорельса. Как гнала их и 10, и 20, и 30 лет назад. Вот за это Глеб и любил Новгород – за некую продленность былого. За ностальгическую провинциальность. Москва, увы, подрастеряла эту цельность и связность времен. Вознесясь в «центровые», златоглавая отъелась, приобрела блеск и царственность... вот только звон колоколов все чаще терялся среди пышных архитектурных форм, тихо гас в бесконечных кварталах. Прогресс, что ж делать... Лет пять назад Глеб подумывал переехать в Новгород насовсем, поближе к Маринке, да так и не собрался. Ограничился дачей в Лесном поясе, на берегу Ильменя. И правильно. А то привык бы потом, и праздник, который иногда с тобой, превратился бы в вечный понедельник...

Стало светлеть, и блестящие сигары поезда с воем вырвались из туннельного сумрака на стальную эстакаду. Навалился парк, охватил непричесанными верхушками сосен, курчавыми гривами дубов и отвалился. Распахнулась аллея с фонтанами, с белыми, синими, золотыми павильонами и киосками, Змеистым зеркальцем ушла назад речушка. «Гзень? – подумал Жилин. – Или она с того берега? Надо же, забыл...» Навстречу поезду посыпались какие-

то клумбы, альпинарии, газоны, карусели с качелями, повалила гуляющая публика, заскакала расфуфыренная мелюзга, пошли шнырять многоногие киберуборщики.

Вагоны вкатились, утишая свой бег, под стеклянные своды станции и остановились.

– Станция «Чудинцева». Переход на станции «Нутная» и «Рогатица».

Было хорошо видно, как бабушки с внуками, молодые папы с малышкой на плечах, «большеунышки» братики, ведущие за руку младшеньких, поднимались в прозрачных трубах – в вертикальных колодцах лифтов и по наклонным шахтам эскалаторов, – как они суетились, сердились на непослушных, внушали и одергивали, хлопотали, боясь потерять, и спешили поскорее занять места. На сквозистой стене висела, еще с Олимпиады, панорамная панель: «Добро пожаловать в Новгород!» Панель была погашена, и казалось, что олимпийский талисман – млевший от счастья медведь – лез обниматься из-за толстого, пыльного стекла.

– Осторожно, двери закрываются! Следующая станция – «Буянная».

Жилин вышел на «Яневой». Пересек скверик и осмотрелся. Первое, что бросалось в глаза, это обилие зелени. Новгород Просто тонул в зелени и млел, как девица, принимающая ванну – по шейку в изумрудной пене. Из облаков зелени выходили ажурные ярусы движущихся тротуаров, бросали на площади-цветники рисунчатые тени и снова уходили в облака зелени. В широких, тенистых аллеях вымахивали стройные здания, а с плоских крыш вспархивали птерокары – красные и белые, серые и золотистые; всякие – от маленьких двухместных «кузнечиков» до тяжелых «семейников» класса «медуза».

Зеленая Янева встретила Жилина тихим, спокойным многолюдьем. Толпы народу, казалось, неспешно прогуливались, как где-нибудь в сельскохозяйственном городишке, без толкотни и давки. Новгородцы и гости столицы раскланивались со знакомыми и не очень, занимали столики в кафе под яркими тентами, читали газеты на лавочках, разговаривали и смеялись, на людей смотрели и себя показывали. Жилин бросил взгляд на радиобраслет с часиками – ему было назначено на одиннадцать, а уже без восьми. Пора.

Здание Комитета по Делах Космоса было 15-этажное, зеленое с желтым. Чистенькая площадь перед ним, выложенная разноцветными плитами, была заставлена атомокарами, наполовину – официального черного цвета.

Пружинистой, скользкой походкой Жилин перешел площадь и поднялся в вестибюль присутствия. А народу-то... Молодежь одна, парни и девушки. Все, как на подбор, в коротких, широких штанах и цветных блузах навывпуск. Это у них возрастное. Коллективное бессознательное. Молодежная мода заразна, она вроде поветрия: переболевают все и разом. Вошли в моду «пифагоры». Все, через неделю полгорода в них. И модная одежда уже смотрится как форменка. Вкус появляется позже...

Молодежь толпилась перед громадными экранами, в коих, словно на стендах, висели списки добровольцев, прошедших по конкурсу проекта «Марс». Галдеж стоял страшный.

– Лукашин! – выкрикивал кто-то из впередистоящих.

– Здесь! – орал из толпы.

– Прошел!

– Ух, ты!

– Круглов!

– Я! Я!

– Нету тебя!

– Как нету?! Должен же быть! Вы что?!

– Ну, нету если!

– Ну что за гадство...

– Судьба!..

– Дальше, дальше!

- Чэнси!
- Здеся он!
- Так... Прошел!
- Оу, грэйт!
- Луценко... Луценко!
- Луценко есть?
- Туточки я!
- Прошел!
- Да ты шо?!
- Ховаев!

Жилин протиснулся к экранам и поискал свою фамилию. Она там была – на самом видном месте: «Жилин Глеб Петрович, кибернетист, канд. тех. наук».

- Прошел? – завистливо сказал кто-то за спиной.
- А як же! – Усмешка чуть тронула плотно сжатые губы Жилина. – Ясно дело...

Он выбрался из шумной толпы, обступившей экраны информаторов, и зашагал в приемную. Лицо его, длинное и холодное, посеченное шрамами, ничего особенного не выражало. Ну, прошел – и прошел...

Навстречу большой веселой компанией двигались добровольцы – огромные, красивые, облаченные в черные комбинезоны с надписью «МАРС» на спине. Добровольцы пели, хохотали, сыпали остротами и назначали свидания, и до всего им было дело, и все им было нипочем. В какой-то момент Жилин – огромный, красивый, облаченный в черный комбинезон с трехцветным наугольником на рукаве и с белым офицерским Георгием, – смешался с потоком гавриков и гавриц и стал одним из них. Его чмокали, вставая на цыпочки, шальные девчонки, и он чмокал – наклонясь. Его хлопали по широкой спине, и он отвечивал гулкие шлепки. «Ну, все, держись, Марс! – думал Жилин, проталкиваясь к приемной. – Эти так просто с тебя не слезут! Этих понукать не надо, наоборот, еще и удерживать придется. Они ж не могут без подвигов...»

В приемной секретарь-автомат для начала зарегистрировал Жилина, а затем деловито объявил, что начальника проекта «Марс» на месте нет и сегодня не будет – он в Городище, на Совете Всемирного Экономического Сообщества, – и что прием ведет Сулима Иван Михайлович, главный секретарь КДК. До полпервого.

- Ладно, – коротко сказал Жилин.

Из служебного модуля, звонко попрощавшись, выпорхнула Марина Корелли – очень хорошенький врач-профилактик. Завидев Глеба, врач-профилактик бросилась его обнимать.

– Меня взяли, меня взяли! – пела девушка, подпрыгивая и пританцовывая. – Буду сменным врачом! На Сырте! На самом!

Ее свеженькое личико все осветилось, а глаза засияли, плескаясь пронзительной синью. Как звездочки, подумалось Жилину. Даже лучики видны...

– Марик... – ласково проговорил он, называя Марину интимным именем, непонятно уже, когда придуманным. – Маришка... Такой дамой станешь!

- А ты думал? – важно сказала Марина. – Не абы как!

Тут секретарь-автомат пригласил «Жилина Глеба Петровича» зайти, и девушка мягко подтолкнула его:

- Ну, иди, иди... Я тебя тут ругать буду!

Жилин улыбнулся ей, кивнул и толкнул дверь в служебный модуль.

Залитый солнцем и просто обставленный модуль производил впечатление полупустого. Пульт с экранами и терминалом. Три кресла. На голой пластмассовой стене – ниша для микрокниг и полка, заставленная печатными изданиями – и тонкими, в легкомысленных мягких обложках, и толстыми томами в солидных твердых переплетах. За огромным – во всю стену –

окном громоздились неохватные деревья, выстроившиеся вдоль Яневой. Вдали в районе Плотницкого конца, маячили шпилястые зеркальные купола, ячеистые пирамиды, колоссальные кристаллические кубы и шары Нового Центра. Они искрились, словно засахаренные, а над ними в бескрайней голубизне вились птерокары и вертолеты. Как мушья над вареньем...

Главный секретарь сидел, привалясь к наклонной дуге пульта, и мосластыми пальцами выстукивал марш. Это был выдавший виды человек, уже в возрасте, с грубым красным лицом и бестрепетным взглядом. Прядь непослушных пегих волос постоянно падала ему на глаза.

– Здравствуйтесь, – сказал Жилин и отрекомендовался.

– Здравствуйтесь, здравствуйтесь... – глухим голосом протянул Сулима.

Усадив Глеба, Иван Михайлович поглядел на него исподлобья.

– Спецназ? – начал он с вопроса.

– Никак нет, – по привычке ответил Жилин. – Патруль.

– Знатно... Дайте-ка я кое-что занесу... Машина, работаем, – скомандовал компьютеру Сулима. – Звук убрать. Режим обычный. – Он возложил руку на контакты биоуправления, глянул на один из экранов, считал, шевеля губами. – По образованию вы... кибернетист, – сказал он, шурясь в дисплей. – Ага... Кандидатскую защитили уже?

Жилин утвердительно кивнул.

– Ясненько... Вы, если мне память не изменяет, уже работали у нас? – продолжил Сулима. – Я имею в виду, в КДК?

– Временно, когда в отпусках был.

– На Спу-8² как будто, – перечислял главный секретарь, – на ИС-5 и еще где-то... Где-то на Луне...

– На Полярной базе.

«Луна...» – заностальгировал Жилин. Его первое небесное тело. Черная пустота пространства и серовато-желтая каменистая равнина, ярко-преярко освещенная... Полупритопленные вечной тенью, выступают цилиндрическая башенка лифта и спектролитовый колпак... Главный же предмет любования струит свой свет над пильчатый валом кратера, чуть в стороне от иззубренных скал и мерзчатых параболоидов антенн. Там, на треть уходя за близкий горизонт, цветет бирюзовым Земля, дремотно кутаясь в спиральные меха циклонов. Классика!

– Ясненько... – Сулима навалился грудью на пульт, глаза его сузились, вперились в экран и забегали по строчкам. – Прекрасненько... Угу... Работа... Учеба... Ага! «Зачислен вольноопределяющимся в опергруппу такую-то Патрульной службы... угу... участвовал... так... в силовых акциях по принуждению к миру... так... блокады, спецоперации, демилитаризации... так... где тут... угу... „Удостоен... удостоен...“ Знатно... Грудь, стало быть, в крестах. „Сдал экзамен на чин подпоручика... произведен в поручики... угу... зачислен... так... с производством в чин штабс-капитана...“ Угу, угу... „Уволен из рядов Патруля... э-э... по состоянию здоровья...“ Ага. Ну, медкомиссию космофлота вы прошли, и ладно... Серьезное что-то было?

«Ну вот, какая тебе разница?» – подумал Жилин с досадой.

– Мне регенерировали обе ноги, – стал он неохотно объяснять, – срастили позвоночник...

– Однако! – крякнул довольно Сулима. В глазах Жилина возникло холодное свечение, но быстро погасло – вовсе не его хворый организм вызвал улыбочку у главного секретаря.

– «Представлен к награждению орденом „Серебряного трилистника“ 2-й степени... – вычитывал Сулима, – орденом „Полумесяца“... „Освобождения Сибири“ 2-й степени... командор ордена Почетного легиона... „Льва и Солнца“... две „Серебряных звезды“... Ого! Орденом Святого Георгия Победоносца 2-й степени! Ничего себе... Да вы, батенька, герой!

Жилин поморщился. Герой... Какой там, к черту, герой? Награды доставались ему не кровью даже, а потом – сколько он перемесил грязи на одной гражданке! А демилитаризации

² Спу – сокр. от «спутник», возлземная орбитальная станция.

чем лучше? Ну да, там слякоти не было – была пыль. Облака пыли. Непроглядные тучи. Особенно в Восточной Африке, в горах Ингито и Чиулу. В Серенгети-Цаво вообще мрак был... Пыль стягивала корочкой потное лицо, забивала нос и рот, резала глаза... А на перевалах Ладакха и Каракорума был холод. Настоящий колотун, никакие куртки с электроподогревом не спасали – колючистый ветруган продувал насквозь. «Крыша мира»! И ты на ней, как Карлсон – только без зеленого домика за трубой... Идешь в дозор, хапаешь ртом хиленький воздушшок и слушаешь, как дико визжат и воют подвигающиеся ледники... Работа это была, а не геройство, работа! Тяжелый, выматывающий труд, изредка доставляющий приятство победами и восстановлениями справедливости, чаще омерзительный и даже ненавистный, грязный, но все еще необходимый труд.

– Скорее ассенизатор, – сухо сказал Жилин. – Честь имею.

Сулима сощурился.

– Такова жизнь, батенька, – сказал он. – Мир изменился, а люди... Какие были, такие и остались! М-да... Машина! – прикрикнул Сулима на компьютер. – Ты мне тут не ерунди! Я же сказал – режим обычный! Я тебе что, два раза должен повторять?!

– Выполнено, – ответил комп.

– Выполнено... – проворчал Сулима. – Что-то я еще хотел у вас спросить... Кхе-кхм...

Вы где родились, Глеб Петрович?

– В Асхабаде. – Жилин помешкал секунд несколько и добавил: – Закаспийского округа.

– Это-то я знаю... Полных сорок вам будет?

– Сорок первый пошел... – вздохнул Жилин.

– Нечего вздыхать, – проворчал Сулима. – Это мне надо вздыхать, а не вам... Женаты, нет?

– Нет, – лаконично ответил Жилин.

– Ясенько... Воспитывались вы где?

– В Ольвиопольском учебном центре. Учитель Строев.

– Учитель Строев... – механически повторил главный секретарь. – Хочу кое-что занести себе в информаторий, – объяснил он, не отрываясь от экрана, – где родились, где женились...

– Сулима убрал волосы со лба и сощурился. – Скажите: «И чего пристал? Взял бы да и вызвал ЦГИ, коли так приспичило...»

– Нет, ну почему же... – вежливо возразил Жилин.

– Да ладно... – пробурчал Иван Михайлович и посмотрел на часы. – Должен подойти профессор Йенсен... – Он быстро, внимательно взглянул на Жилина. – Подождите, подождите... А вы, случайно, на Таити не служили?

Губы Жилина сложились в усмешку, и тонкие черточки незагорелой кожи у глаз ужались морщинками.

– Случайно, служил.

– Десантником?

– Оперативником.

– Вот оно что... – затаил Сулима. Он осторожно отнял пальцы от биотерминала и поднялся. – А я тут сию, голову ломаю – и откуда это мне так лицо ваше знакомо?

Главный секретарь оказался рослым хомбре, в меру упитанным и слегка сутулым. Медлительной, развалистой поступью он приблизился к окну и отмахнул рукой челку.

– А оно вон что... – проговорил Сулима. – В Фааа³ вы стояли как будто?

– Так точно.

– Ну, я же помню! Это сейчас я в начальство выбился, а тогда... – Иван Михайлович мечтательно закатил глаза. – Эхе-хе... Лет десять уже прошло... да больше! Когда изолировали

³ Фааа – таитянский аэропорт.

Таити? В 73-м? Нет, вру, не в 73-м, а в 70-м. Или в 73-м? Да, в 73-м. Помню, что десять лет назад. Ну правильно – в апреле 73-го! Ваша опергруппа ставила блокаду, а мои десантники прочесывали перешеек Таравао и весь Таити-Ити ⁴...

– Ух и жарко было... – усмехнулся Жилин и потер тонкий шрам на щеке. – Там и без того не холодно, но в тот день... Кошмар. Эти чертовы тэне ⁵ лупили из плазмоганов куда попало...

– Да уж, – хмыкнул Сулима. – Мне Тавита потом все расписал... Может, знаете его? Такой был полноватый деми ⁶ – Тавита Вефауни. Всегда улыбался, его еще Зубаткой прозвали. Он сейчас капитаном на «Матаатуа»... Так он мне звонил как-то, рассказывал... После того боя мальчишки из Папееэте еще неделю или две из песка фульгуриты ⁷ выковыривали – туристам на сувениры...

Они немного помолчали.

– И все равно, – решительно сказал Сулима, – что бы там ни говорили, а Таити был прекрасен!

– Да, – с чувством изрек Жилин.

– Какие закаты, а пальмы, а как пахли тиаре апетахи! Пиршество красок и благорастворение воздушных! Я, кстати, там и женился.

– На вахине ⁸? – понимающе улыбнулся Жилин.

– Умгу. Моя Рани целую неделю меня выхаживала – какая-то сволочь, понимаете, в спину пульнула, да еще и разрывной. Госпиталь наш разместили в отеле «Таароа интерконтиненталь», и вот я лежу пластом, а Рани порхает вокруг в цветастом парео, красный цветок гибискуса в волосах... Прелесть! Что-то я совсем заговорился... – нахмурился Сулима и убрал волосы со лба. – Ну, ладно...

Задумчиво выпятив нижнюю челюсть, он подвигал ею – привычка, характерная для него в минуты размышлений, – и сказал самым обыденным тоном, каким спрашивают, будете ли вы кофе со сливками и сколько положить сахара:

– Мы тут посоветовались и решили назначить вас, Глеб Петрович, главным киберинженером проекта. – Иван Михайлович замолк, словно выжидая, пока Жилин переварит услышанное. – Согласны?..

– Согласен, – твердо сказал Глеб. Снова, как давеча в коридоре, накатило ощущение молодости, здоровья, блестящей будущности...

– Ну, вот и отлично, – неожиданно благодушно сказал Сулима и протянул Жилину листок с приказом. – Зафиксируйте.

Глеб пробежал глазами сухие, отцеженные строчки и приложил палец к точке опознания.

– Умгу... – поблагодарил Сулима. На пульте селектора планетарной связи вспыхнул зеленый квадратик, и хорошо поставленный голос секретаря-автомата произнес:

– На связи начальник космодрома Мирза-Чарле Лидин Анатолий Сергеевич.

– Давай его сюда. – Сулима передвинул кресло в круг главного фокуса.

Угол кабинета подернулся рябью, расцвел, и у стены возник загорелый чин в фиолетовом космофлотском кителе, с выбеленными зноем волосами. За его спиной пузырились прозрачные занавески, а в открытое овальное окно засвечивало солнце и лезли красные барханы «неокультуренных» Каракумов – с реденькой порослью черкеза, одинокими песчаными акациями, сухой и серой солянкой. У самого горизонта, затянутого дрожащим маревом, виднелись антенны космодрома – расплывчато, будто сквозь слезы.

⁴ Таити-Ити (Малый Таити) – полуостров с перешейком Таравао.

⁵ Тэне – таитяне китайского происхождения, китайцы (полинез.).

⁶ Деми – полукровка, метис.

⁷ Фульгурит – небольшая ветвистая трубочка из сплавленных песчинок, образующаяся при ударе молнии (или импульса лучемета).

⁸ Вахине – девушка, женщина (полинез.).

- Звали, Иван Михалыч? – зубасто улыбнулся чин.
- Звал, – сказал Сулима. Главный секретарь сохранял рафинированность и решпект. – Долго ты будешь моих добровольцев муржить? А, Толик? Когда корабль дашь?
- Иван Михалыч! – сказал Толик звучным голосом и двумя руками поднял толстый – страниц шестьсот – фолиант. – Вот, видите? Проект «Марс»! Я его как Библию чту, и даже больше! Но что я могу поделывать, если все фотонники в разгоне?! Рожу я их, что ли? Извините... «Луч» у Европы, на нем груз для базы «Минос», вернется недельки через три, не раньше... «Заря» – та вообще к Сатурну летит – собрались расширять станцию «Кольцо-2». «Бора» у Меркурия, «Солярис» в Поясе. А больше и нету! К воякам уже обращался, чтоб вам крейсерок выделили – они на меня посмотрели как на ненормального. Дать вам что-то вроде «Финиста» или «Стратима»? Пожалуйста, хоть сейчас! Так они до Марса через месяц только дотелепаятся! Что?.. – Лицо Лидина ушло из фокуса и немного спустя вернулось – с длинной улыбкой. – «Бора» возвращается! – сказал Лидин обрадованно. – Будете брать?
- А большая она? – приценился Сулима.
- Трансмарсианский рейсовик!
- Да нет, я имею в виду – мест там сколько?
- Ну-у... «Бора» вообще-то грузовик. Двенадцать кают, четырехместные все.
- Угу... Угу... – проворчал Сулима и сказал – величественно, будто делая одолжение:
- Ладно, беру!
- Груз какой? – деловито спросил Лидин.
- Штук четыреста эмбриомеханических «яиц». Тонн на шестьдесят потянет.
- Строить что-то будете?
- Угу... Когда старт?
- М-м-м... Давайте... Нет, это рано... М-м-м... Давайте в это воскресенье, в пять утра. Старт со Спу-1, доставка с Мирза-Чарле, Фидониси или Байконура. Подходяще?
- Угу...
- Ну, все, договорились!
- Лидин поднял руку. Фронтальная проекция пошла волнами, сжалась в точку и пропала.
- Слышали, когда старт? Ну вот на то число и настраивайтесь... – Главсек хмыкнул. – Проект он чит! А вот, кстати! Сами-то вы как, с проектом разобрались уже?
- Да как сказать... – Жилин почесал в затылке. – На полный-то проект вечно времени не хватает... Знаю по журналам в основном. Ну, там, генерация атмосферы, колонизация... Так вот.
- Сойдет для начала. – Сулима вернул кресло за стол-пульт. – В общем... – Он глянул на часы. – Нет, по-моему, мы этого Йенсена так и не дождемся! И где его только носит... Обещал же быть как штык!.. В общем, чтобы не повторяться – график работ по проекту выдерживается пока, СВЧ-антенны над полярными шапками работают как часы и даже лучше. Такую бурю подняли, что аж страшно становится!.. Да и вообще, чувствуется, что на Марсе здорово потеплело – мерзлота пошла таять, газы из коры поперли. И цэ-о-два попер, и аш-два-о, и азот. Ну, естественно, оползни начались, трещин пооткрывалось тьма, каверны всякие образуются, сбросы... Это чтобы вы не думали, будто на курорт летите! Как был Марс самым пыльным из всех адов, так он им и остался. Только что повлажнел маненько... Йенсен клянется, говорит, что уже в этой пятилетке жидкая вода появится! Размечтался... Хотя... кто его знает? Может, и появится...
- Внезапно над информаторием затуманилась вторая на сегодня стереопроекция. Стустилась, налилась цветом, округлилась приятной девичьей фигуркой, с очаровательной непосредственностью «присела» на край пульта.
- Иван Михайлович, – сказала она голосом секретаря-автомата, – к вам профессор Йенсен.

– Ну, наконец-то! Скажи, пусть заходит!

Двери с шелестом распахнулись, и порог переступил невысокий ядреный старик лет под сто, с лицом румяным и малоподвижным, какое бывает после первого омолаживания.

– Явился... – проворчал Сулима, – не запылится...

– Ах, Ваня! – воскликнул Йенсен, счастливо улыбаясь. – Ты уж меня прости – задержался в пункте связи! Поверишь ли – две недели не мог получить одну запись с Венеры! Две недели! Ну, что это... Ты позволишь просмотреть ее у тебя? Иначе, боюсь, я просто лопну от нетерпения!

Он присел на кресло, но тут же, вспомнив о Жилине, воздвигся снова.

– О, простите, ради бога! Добрый день! Здравствуйте!

Жилин поднялся и пожал узкую розовую ладошку.

– Здравствуйте, профессор.

– Прошу вас, – сказал Сулима, – познакомьтесь с Ларсом Юлиусом Йенсеном, он у нас спецуполномоченный по проекту «Марс». Лассе, это Глеб Петрович Жилин, наш главный киберинженер.

– Весьма, весьма рад! – воскликнул Йенсен и мигом перешел на волнующую его тему: – Вы, несомненно, слышали о волосатике? Заметим, его редко кто видел, хотя, вполне возможно, этими странными созданиями густая атмосфера Венеры просто кишит. И вот представьте себе, господа, мою радость, когда я узнаю, что самоходный лот-разведчик выследил волосатика над плато Лакшми! Заметим, произошло сие еще на позапрошлой неделе, но только сегодня я получаю кристаллозапись! Согласитесь, господа, это безобразие... Иван... что-то я не найду... где у тебя здесь транслятор?

– Давай сюда, – сварливо сказал Сулима и протянул руку, – а то будешь тут...

Йенсен суетливо и хлопотливо извлек кристалл с записью.

– Я и сам еще не видел... – сказал он.

– Не оправдывайся...

Жилин, заинтересовавшись, зашел за полукружие пульта, поближе к визору. На экране висела оранжевая муть. Зрачок бликконтактора плавно повело влево, он охватил горную страну, похожую на пашню – так близко сошлись многочисленные коричнево-оранжевые, почти параллельные хребты-складки; дал крупным планом седловину, скалистую и трещиноватую, круто обрывающуюся в зыбкий, рыжий туман, и белые купола с краю. И круча, и сама седловина блестели, как мятая фольга.

– Вы видите сейчас базу «Венус-2», – торопливо комментировал Йенсен, не отводя от экрана жадных глаз. – Она установлена в горах Максвелла, на одном из хребтов. Сейчас скажу... Примерно в десяти километрах от поверхности. В горах прохладнее, чем в долинах, – всего плюс триста!

– А Солнце там видно? – спросил Жилин.

– И да, и нет. Просто большое пятно повышенной яркости. Вообще, интересная планета. Стоишь на грунте, будто на вершине шара в сотни метров диаметром – так резко «заваливается» горизонт. Небо ярко-оранжевое, безоблачное, а грунт очень темный, с желто-оранжевыми оттенками. И довольно-таки шумно, как на оживленной улице, – ветер постоянно поднимается... О, смотрите! А, нет, не то...

На экране визора мелькнула какая-то широкая тень, подплыла ближе и оформилась в плоский купол, похожий на зонтик без ручки, мягкий и склизкий. «Зонтик» заметно пульсировал, словно часто дышал, его бахромчатые края поджимались и трепетали.

– Это слизняк-глайдер, – сказал Йенсен разочарованно, – их там неисчислимое количество... Вот!

Слизняк ушел из кадра, зато неприметное черное пятнышко, маленькое, как чайнка, всплыло откуда-то снизу. Постепенно пятнышко выросло в растрепанный волосатый клубок. Он летел хаотично, то скручивая длинные белесые нити, то распуская их за собой.

– Это стрекала! – возбужденно сказал Йенсен.

Волосатик малость подвсплыл и повис, размеренно помахивая клейкими волоконцами. Угол экрана расчертила таблица, быстро замелькали, рассыпаясь по местам, буквы, цифры, какие-то непонятные значки. Йенсен заворожено шевелил губами.

В следующую секунду, словно испугавшись таблицы, волосатик нырнул, растягиваясь белесым куделем, и затерялся в однообразной апельсиновой дымке.

– Все? – пробрюзжал Сулима. – Насмотрелся?

– Да, – вздохнул Йенсен с удовлетворением и обеспокоенно спросил: – Надеюсь, я вам не очень помешал?

– Опомнися... – сказал с ворчанием Сулима и крутнулся на кресле к Глебу. – Я говорил уже об атмосферном заводе?

Глеб покачал головой.

– Ну, здравствуйте! А, это я не вам говорил... Это перед вами девушка была! Вспомнил, вспомнил... Так... ага. Сейчас я вам покажу...

Сулима коснулся сенсора, и на голой стене словно прорезалось окно, распахнутое в космос, где круглился красно-оранжевый Марс в третьей четверти.

– Сейчас... На Сырте затевается «стройка века» – заложим там гигантских размеров атмосферный завод...

Планета надвигалась, растекаясь за рамки, пока темный треугольник Большого Сырта не занял весь экран.

– Вот здесь вот... – У круглого кратера Соам замигала зеленая звездочка. – Вот, видите? Это примерно на полдороге между портом «Большой Сырт» и Кордильерами Изиды... По идее, для генерации атмосферного покрова довольно и СВЧ-антенн на орбите. Лет за пятьдесят они Марс так пропарят, что давление подскочит вдвое против земного! И получится, что мы сотворим классическую бешеную атмосферу из углекислого газа, азота и водяных паров! А дышать чем? Кислорода-то в ней наберется фиг да маленько! Вот мы и организуем производство озонированного кислорода. А иначе какая колонизация может быть? Правильно? Ну, вот... – Сулима шевельнул челюстью. – Но работы там... Не знаешь, за что и хвататься. Сейчас вот сдадим объект – я имею в виду завод, потом и до этого... как бишь его... – он поднес к глазам листок, – до «жилищно-промышленного комплекса» очередь дойдет...

– Заметим, – влез в разговор Йенсен, – в первую очередь надо возводить именно жил-промкомплекс! А то понаставим времянок, и мучайся потом...

– Там много чего надо, – нетерпеливо отмахнулся Сулима. – А энергокомплекс? А климатическая станция? А агрокупола?

– Агрокупола – обязательно! – оживился Йенсен. – Вы даже представить себе не можете, до чего же красиво на плантациях: розоватое небо, оранжевый песок и фиолетовая капуста! Картинка!

Он лучезарно улыбнулся.

– Ты мне дашь договорить? – ядовито осведомился главный секретарь.

– Все, все... Молчу.

– Большое спасибо, – произнес Сулима еще более ядовито и глянул исподлобья на Жилина. – Вот, сбил меня с мысли... Кхе-кхм... Бригаду операторов-строителей мы туда уже перебросили, я имею в виду – на Соам. Мужички, видать, хозяйственные, уже там лагерь развернули – будет где остановиться. Потом мы станцию ту воякам передадим – под гарнизон, а пока... Ты что-то хотел сказать, Лассе? Давай, только в темпе...

– Буквально два слова! – заторопился Йенсен. – Всего с нами летит пятьдесят добровольцев – сорок семь парней и девушек. Заметим, что почти все они – кибернетисты, то бишь ваши подчиненные, дорогой Глеб Петрович, ваша группа... – Йенсен глянул на Сулиму и торопливо закончил: – Стартуем мы со спутника, где-то ближе к субботе, так что отдыхайте пока, гуляйте. Без вас все равно не улетим...

– Ну, я надеюсь, – слова Жилина сопровождалась скользкой улыбкой.

– В общем, вы поняли, – подвел черту Сулима. Он прихлопнул ладонью по пульту и, кряхтя, выкарабкался из кресла. Поднялся и Йенсен. Упругим толчком встал Жилин.

– Транспорт, инструменты, – сказал Сулима, – это вот с него требуйте. – Он указал на Йенсена. – Ларс у нас спецуполномоченный, вот пусть где хочет, там и достает...

Ларс Юлиус благожелательно улыбнулся обоим.

– А как же! – воскликнул он. – Все по первому списку!

– Давайте закругляться, – пробурчал Сулима, – а то я сегодня вообще без обеда останусь...

– Конечно, конечно, – поспешно сказал Йенсен, – мы с Глебом уже уходим.

И они ушли.

Было начало второго. Марину главный киберинженер обнаружил на широкой скамье, в тенечке. Девушка сидела, подложив под себя ногу, и что-то горячо доказывала тучному, лысеющему аборигену.

– Здравствуйте, – сказал, подойдя, Жилин.

– Добрый день, юноша, – церемонно ответил абориген. – Что ж, весьма рад был знакомству.

Он тяжело поднялся, опираясь на трость, и откланялся.

– Интересный дядечка, – задумчиво произнесла Марина, провожая глазами уходившего аборигена. – Мы с ним как-то очень быстро разговорились. Слово за слово, и перескочили на тему Бога... (Жилин застонал.) Да не стони ты! Никуда он меня не завлекал и агитировать даже не пытался. Просто спросил: «Вы верите в Бога?» Ну, я честно призналась, что нет, не верю. И тогда он говорит: «А во что же вы в таком случае верите?» Представляешь?!

– И что ты ему сказала? – с интересом спросил Жилин.

– Ну а что я ему скажу? «В светлое будущее» сказала.

– А дядечка что?

– А дядечка ехидно так: «В коммунизм, что ли?» – «А хоть бы и так», говорю.

– Ну и правильно... – лениво проговорил Жилин и сел, вытянув ноги. – Только в будущее и стоит верить. Оно по крайней мере не подведет.

– И ты тоже веришь? – с любопытством спросила Марина.

– Когда как, – усмехнулся Жилин. – А вообще-то я предпочитаю не верить, а знать. Я даже в Деда Мороза не верил, когда был маленький...

– Ну, это ты переборщил. Хотя... Знаешь, кого я сейчас вспомнила? Йенсена.

– Спецуполномоченного?

– Ага... Как-то... да вот буквально на днях у нас зашел разговор, и он сказал, что Бога придумали из страха. А правда, ведь очень страшно знать, что вот ты умрешь, и все, тебя не станет. Вообще ничего не станет! Гораздо же приятней верить, что твоя душа бессмертна... Вера – убежище для нищих духом. Это Йенсен так выразился...

– Кстати, он тебе привет передавал.

– Да? Ой, у меня всё из головы вылетело! С этим дядечкой еще... Ну что? Можно тебя поздравить?

– Можно, – улыбнулся Жилин. – Даже нужно. Зачислили главным киберинженером.

– Нет... серьезно?! – изумилась Марина. – Ой, какой ты молодец!

– А как же... Ясно дело.

– А давай устроим праздник! – загорелась Марина.

– Давай... Дай я тебя лучше потискаю! – Жилин крепко обнял запищавшую девушку и потискал.

– Раздавишь! Пусти!

Глеб ослабил кольцо объятий и снисходительно улыбнулся:

– Малышня ты моя...

Он обвил рукой Маринину талию и, сощурившись, оглядел широкую и шумную Яневу. Прозрачные сотовые здания перемежались литопластовыми доминами в «державном» стиле, с громадными стеклами овальных окон и плавными изгибами объемов, уходящих ввысь. Над улицей, залитой стереопластиком, вздымались ажурные мостики, нависали эстакады; вскипали и сбегали пышной зеленью воздушные парки.

– Все равно не поверю, – медленно сказал Жилин, – пока не стартуем...

– Как-то даже не верится, правда? – оживилась Марина. – Пройдет какой-то день, ну два, и мы полетим! В космос! Представляешь?!

Не найдя слов для выражения, она запищала, шаловливо мутузя Глеба. Глеб весело захотел. Драгоценное чувство сродненности, не известное дотолем, затеплилось в нем, умягчая твердое сердце.

– Ты сейчас куда? – спросил Жилин.

– Да не знаю... Хочу по распределителям пройтись. Взять чего-нибудь в дорогу – переодеться, там, вкусенького чего-нибудь... Слушай, надо завтра к Юлии Францевне слетать.

– Это твоя учительница?

– Ага. И мамулечку мою я давно уже не видела... О! А давай завтра вместе слетаем? Давай?

– Давай... – рассеянно сказал Жилин.

Его вниманием завладели прохожие. Кто-то из них всегда занят делом, а кто-то только и знает, что гулять, взыскуя «гарантированного минимума благ». Интересно, можно их распознать или нет? Должны же они хоть как-то различаться? А как? Вон тот огромный, грузный мужчина в белой паре – он кто? Работник или неработающий? «Трудовик» или «жрун»? Нянится с ним Фонд избытка или у мужчины просто обеденный перерыв? А во-он те молодые парни в «Пифагорах» и рубашках навыпуск – работают они? Или им интереснее развлекаться? Как тут скажешь? У них же на лбу не написано... Люди как люди.

Прямо через улицу, напротив отеля «Хольмгард», четыре длинноногие девчонки окружили дюжего полицейского и в четыре голоса исполняют гимн... Молодая мамочка кормит грудью своего «крохотулечку» и сердито отчитывает робота-няню... Две курбатенькие домохозяйки с жаром обсуждают достоинства нового рецепта... Обычные люди. Господин Великий Новгород. «Кто против Бога и Великого Новгорода?!»

– Куда пойдем? – спросил Жилин, озираясь,

– Давай сначала к Торгу, – решила Марина, – а там видно будет...

Глава 3

ОЛЬВИОПОЛЬ, НОВОРОССИЙСКОГО ОКРУГА

Оборвав тонкое зудение, в нарамник открытого «гепарда» воткнулась анестезирующая игла. Лида непонимающе уставилась на дрожащий кончик, похлопала глазами на Антона, потом быстро оглянулась.

– Шлемники!

Сзади их догоняли трое на размалеванных электрокарах. Вся компания была в круглых тускло-серебристых шлемах из спектролита, и вид у них был и зловещий, и комичный одновременно.

– Вы что, – закричала девушка, оборачиваясь, – совсем уже сдурели?!

– Да ляг ты! – грубовато прикрикнул Антон.

Лида даже не стала задираться – опрокинув спинку сиденья, она вытянулась, оголяя пупок. И тут же в рулевую дугу впилась еще одна игла. Девушка облизнула внезапно пересохшие губы и, сморщив носик, глянула вверх. Антон привстал, сжимая в одной руке парализатор, другой держась за раму. Волосы у него были выкрашены в черный и зеленый, как то и подобало простецу, и рваным вымпелом трепались у щеки. «Костлявый, длинный и худой. Он покорило воображение своею дивной высотой...» – вспомнила она терцину, записанную Антоном в ее альбом. Да нет, не такой уж он и худой... Вон щеки какие наел!

Антон торопливо щелкнул ползунком ограничителя, сдвинул вперед муфту фокусировки, чтобы сузить луч. Три горячих выхлопа слились в один.

Шлемники не то что смыться – даже сообразить ничего толком не успели. Вздрагивая никнувшими телами, роняя плоские анестезаторы, они сползали с сидений, заваливались и обвисали на ремнях. У одного из усыпленных сорвался шлем, и давно не мытые цветоволосы встопорщились радужными лохмами.

Виктория была полная. Электрокары, расцветенные рубиновыми огнями, уныло потянулись на обочину.

– Все уже? – обеспокоенно-нетерпеливо воззвала Лида, Она чуть приподнялась, чтобы видеть экран заднего вида, и мягкий животик рывком потужел. – С ними ничего не будет?

– Очухаются... – Антон здорово перетрусил, но, унимая нервы, храбрился. – Напугали тебя?

– Да, – жалобно сказала Лида.

Антон неуверенно обхватил ее длинными, костистыми руками.

– Кошмар какой-то! – сказала она. – Меня до сих пор трясет всю!

– Да плюнь ты на них! – обронил Антон, радуясь, что девушка не размыкает его объятий. – Ребята пошли не с той карты...

Лида прыснула, ткнувшись губами в кулачок.

– Что я такого смешного сказал?! – спросил Антон оскорбленно и отдернул руки.

– Ты только не обижайся, – сказала девушка, крепясь, – но у тебя это так лихо получилось... Прямо вылитый Тагвелл Гейтсби!

– Да при чем тут Гейтсби? – с обидой сказал Антон. – Говоришь, сама не знаешь что...

– А кому ж еще вы все подражаете? – фыркнула девушка с пренебрежением. – Да еще так старательно! Что простецы, что роддеры, что эти... как их там... караканары. «Он начал с черной двойки, – передразнила Лида звезду стереоэкрана, – а я пошел тузом, прямо в переносицу!»

Антон с вызовом и осудительно посмотрел на нее.

– Да уж, можно подумать!..

– Можно... – вздохнула девушка. – Ладно, давай не будем об этом, а то опять поругаемся...

Насупясь, Антон отключил киберводителя и взялся за руль. «Нашел что сказать! – ругал он себя. – Тоже мне ганфайтер выискался...»

Перевалило за полдень. Припекало. Старенький атомокар бодро катился под голубоседым, облитым небом Прибужья. Мчал меж бывших полей, а ныне степи, разгороженной буйными лесополосами. Тянул вдоль неширокого шоссе, обсаженного яблонями. Перемахивал глубокие балки по гудящим мостам. Когда они миновали коттеджи Подгородной, навстречу им промчался, подвывая сиреной, черно-белый квадратный атомокар с надписью на дверце: «ПОЛИЦИЯ».

– Наверное, за теми, – сказала Лида, – «в черных шляпах».

– Наверное... – говорить Антону сейчас не хотелось. Как-то муторно было.

По улице Лассаля он не поехал, а свернул налево, на круговую до Третьей Мельницы. Показались сады Ольвиополя и ярусно-ступенчатые здания на левом, увальном берегу Южного Буга. Волнистыми террасами спускались они к узкому песчаному пляжу. Показался островок ниже старого железнодорожного моста, гранитные скалы по правому берегу, кручи глинистых, заросших бурьяном оврагов и чистенькие домики Голты. Показалась беленая церквушка в Богополе, выглянули из-за парка серые колонны и серебристые купола земской управы – бывшей резиденции архимандрита.

– Выходи за меня замуж, – бухнул Антон. И замертвел. Однако девушка и не подумала ехидничать. Она долго молчала, потом вздохнула.

– Тебе нужна другая женщина, Антон, – молвила она, – не такая, как я...

– Я хочу быть с тобой!

Девушка покачала головой:

– Мы с тобой слишком разные. Пойми меня... Ты протест, тебе ничего не нужно – с этим я уже смирилась. Но жить с клиентом Фонда изобилия я не стану. Просто не смогу! Вот ты представь себе: поженились мы. Кончаю я свой университет – учиться я ведь не брошу! – устраиваюсь на работу... И что? Приятно мне будет возвращаться с работы домой и видеть, как ты валяешься на диване, уткнувшись в эсвэ? Как ты думаешь? А так оно и будет! – Лида опять вздохнула, отчего ее маленькая, крепкая грудь поднялась и снова опустилась. – Ты не злись, пожалуйста, но... уж слишком ты привык получать все даром, бесплатно. Бесплатные столовки, бесплатные квартиры, бесплатные машины! Проезд дармовой! В виртуалку – за так! Тряпки – за спасибо! Правильно! Зачем же ему еще и работать?! Лучше он будет сидеть целыми днями и ничего не делать! Ну, не так, скажешь?!

Антон вякнул что-то в свою защиту, но Лида остановила его нетерпеливым жестом.

– Пойми, – сказала она проникновенно, – я же женщина! Я хочу видеть рядом с собой мужчину-работника! Добытчика! Хочу почувствовать себя слабой и ведомой, а с тобой у меня все получится наоборот, шиворот-навыворот! Это я буду кормильцем, а ты будешь за мной, как за каменной стеной! Вот радости!

– Ну, устроюсь я куда-нибудь... – поскуцнел Антон и включил нейтрализаторы.

– Да не надо мне твоих одолжений! Мне это, что ли, нужно?

«А кому ж еще?» – чуть не ляпнул Антон, но вовремя прикусил язык.

– Ты совсем уже обленился! – кипятилась Лида. – И ничего тебе неинтересно даже! Ой, да что с тобой говорить!.. Если человек работает, если он что-то делает руками или головой, то от него хоть какая-то польза есть, значит, и смысл появляется! А как иначе? Бесполезное – бессмысленно! Как ты этого никак понять не можешь?!

Лида посмотрела на надутого Антона и отвернулась.

– Ты уже съездил к учителю Строеву? – спросила она ровным голосом.

– Что толку ездить? – буркнул Антон. Он начинал злиться.

– Вот видишь... Ты даже этого не захотел сделать. А ведь я тебя просила... У учителя большие связи, он мог бы тебя устроить на работу, а может быть, даже и в Патруль. Хоть там из тебя человека бы сделали! И учился бы, и служил, и работал! А то нашел себе оправдание – раз большинство не работает, так и он не будет! Вот тебе разве не стыдно, что и ты в нахлебниках? Здоровый парень, вроде и руки откуда надо растут – ну чего б не работать?!

«Гепард» вильнул.

– Да замучили вы меня уже с этой работой! – резко сказал Антон. – «Бесполезное – бессмысленно!» – передразнил он Лиду. – Можно подумать, работа твоя сейчас вообще что-то значит!

– Да, значит!

– Да ни черта она не значит! – грубо отрезал Антон, чувствуя напряжение и тягостную дрожь, и какую-то злую сладость, пугающую и томительную. – Кому это теперь вообще надо, если и без работы вполне можно прожить? Ну какой, вообще, смысл зарабатывать на то, что можно взять и так, даром?! Скажи мне? С работы она будет возвращаться! – фыркнул он. – Откуда возвращаться, господи? Из другой комнаты? Или ты не знаешь, как сейчас работают? Будешь ты с девяти до трех дома просиживать, уставившись в монитор, а я рядышком, на диване, уставившись в эсвэ – ну и какая разница?! Я так целый год, как дурак, проторчал за терминалом – хватит с меня!

– Ой-ой-ой! – язвительно протянула Лида. – Переработался, бедненький!

– Да при чем тут переработался, не переработался! Просто не хочу я всю жизнь у компа отираться! Поймешь ты это когда-нибудь или нет?! Ты что, думаешь, меня совсем работать не тянет? Да я б с удовольствием занялся какой-нибудь настоящей, живой работой! В космосе где-нибудь, в океане хотя бы... Только кто ж меня туда возьмет? Ну не хватает если мне образования – я ж тебе говорил уже!

– А кто тебе не давал его получить?! – с силой сказала девушка. – Когда ж ты наконец поймешь, что нельзя жить так, как ты живешь?! Ну что ты меня мучишь?!

– Лида!.. – сказал Антон страдающим голосом.

– Что – Лида?! Что – Лида? Тебе уже двадцать два, Антон! Двадцать два! И чего ты добился в жизни, скажи? Как был ленивым, разболтанным мальчишкой, так ты им и остался! Вон выкрасил волосы, как попугай, и вперед! Гонять по шоссе на скорости 200 км/ч в час и ни о чем не думать! Собираться с такими же, как ты, балбесами где-нибудь под грезогенератором, пиво дуть и шляться в виртуалке с утра и до утра – это ты называешь жизнью?! И ты еще хочешь, чтобы я жила с тобой?!

– Лида, – оправдывался Антон, – тебе не нравились мои друзья – я их оставил! Я не подхожу к виртуалке! Я бросил пить! И не гоняю я ни по каким шоссе – ты же видишь! Тебя вот везу! Ну разве не так, скажешь?!

– Все так, – устало сказала Лида. – Ты перечислил все, Антон, чего ты больше не делаешь. Молодец. Тогда почему ты ничего не сказал о том, что ты делаешь? Ну чем ты занят? Да ничем! – бросила она с отвращением и сухо добавила: – Останови, я здесь сойду.

Атомокар притормозил перед домом с патио и верандой, почти полностью увитой чайной розой. Лида гибко выскользнула из машины (Антон взволновался), но процокать каблучками и скрыться не спешила. Что-то ее удерживало.

– Не злись, – негромко сказала она, – но ты сам виноват: не надо было меня выводить! А я тебе всегда говорила – чтобы быть с кем-то, надо быть кем-то. Я тебе нравлюсь, и ты мне тоже (у Антона внутри что-то сладко заныло), но этого мало... Я люблю роскошь, я хочу сказку! Мне нужны друзья, любовь и интересная работа, а если в отпуск – то на Луну или в «Оранжереи». Я стою дорого!

– Но у меня же все есть, – зашепел Антон. – И дом есть, и машина вот, и вещей – вагон и маленькая тележка!

Лида улыбнулась.

– У него все есть! – сказала она снисходительно. – Господи, что у тебя есть? Дом у тебя есть? Что ты называешь домом? Тебя поселили в стандартном модуле, Антон, а на то, что тебе выдают «во обеспечение минимума потребностей», дома не купишь.

– Мне хватает!

– А мне – нет! – отрезала Лида и продолжила менторским тоном: – Столько, сколько тебе дает Фонд, получает лишь плохой работник. А вот хороший зарабатывает в десять, двадцать, во сто раз больше! Да и разве в деньгах дело? Я же хочу гордиться своим мужчиной, понимаешь? Хочу, чтоб все его уважали, а женщины чтоб завидовали мне, что он у меня такой – настоящий!

– Ая, выходит, ненастоящий? – проговорил Антон, сдерживаясь.

– Ты? – сказала Лида по-прежнему снисходительно. – Мужчинка ты...

– Да пошли вы все! – гаркнул Антон и рванул с места, аж покрышки взвизгнули.

Он пронесся через площадь, распугивая шарахающихся туристов, свернул у вокзала налево, нырнул под мост и дунул куда-то вверх по Одесской – лишь бы подальше! Чтoб только не видеть понурю стройную фигурку. На шоссе, где гонишь со скоростью 200 кмэ и ни о чем не думаешь! И ни о чем голова не болит!

«Напьюсь! – подумал с отчаянием Антон. – Наклюкаюсь! Наберусь как свинья! До одурения! И идет оно все к черту!»

Шоссе поднялось на эстакаду, и та, как на цыпочках, пересекла глубокий овраг – широкий, обрывистый, заросший колючим кустарником с меленькими розовыми цветочками. Круча оврага пряталась в зарослях акации, а вдоль него возвышались решетчатые столбы энергоотвода с огромными серебристыми кольцами наверху.

«Погано как...» Еще стыла в душе обида, а чувство вины уже пекло Антона на медленном огне. Самое паршивое, что Лида была права – во всем! – и нечего ей было возразить. Это как раз обиднее всего – слышать от любимой девушки, какой ты ленивый, трусливый, нерешительный, безвольный, инфантильный, – корчиться в душе и молчать! Молчать и быть согласным. Потому что все болючие слова, роняемые яркими, безжалостными губками, оборачивались правдой, только правдой, и ничем, кроме правды. Как приговор.

«Подсудимый Антон Малкович Родин! Вы обвиняетесь в том, что являетесь собой простеца, лжеца, лодыря, тунеядца, мямлю, труса, скунса, козла, осла, мартышку...» – Нет, кажется, это уже из другой оперы...

Антон мрачно усмехнулся. Лида Мазуренко – девочка из примерной семьи. Ее примерно воспитали в школе. Примерная девочка. Красавица и умница. Вон поступила в Одесский университет. Хоть и со второй попытки, но поступила же! И примерно учится. Вот окончит и станет примерным специалистом. Обязательно окончит. Чего бы ей не закончить? Чтoбы Лидочка, да не закончила? И найдет себе примерного мужа. Настоящего! Пчелку. Надо же ей было встретить трутня... Нет, даже не трутня – слизня! Мерзкого, как харчок...

Антоновы экзерсисы по самобичеванию пресеклись накатами свистящего гула. Из многоэтажных туннелей на Юго-Западный фривей выныривали гигантские грузовики-автоматы, какие на пяти, а какие и на семи шасси, без кабин, с коробчатыми капотами, расщеперенными визирами. Выстраивались с отчетливой точностью и перли плотным строем. В просветах между громадными кузовами и зеркально-блестящими цистернами мелькали крутые купола базы энергопитания атомокаров. «Гепард» засопел, сбросил скорость и по широкой спирали рэмпа съехал к базе.

Здесь уже стояло несколько машин – одна приткнулась к номеру мотеля, а три другие были припаркованы возле ремонтных автоматов. Робот-заправщик заливал водородную смесь в бак старенькой «Волги», а водитель – дедок в вышитой сорочке – пискляво призывал его к осторожному обращению.

Разглядев вывеску кафешки, Антон повернул к ней. Он осмотрелся, вышел из машины, затем сделал жест рукой, показывая, куда той стать. Машина послушно развернулась.

«Тут думай не думай, – прикидывал Антон, – а работу искать все равно придется. Вечно это продолжаться не может – я и так уже ползаю по самому дну...» Родин раздвинул двери в кафе – по очереди зачмокали три слоя акустической защиты – и хмыкнул: на место внутренних дверей некий умелец навесил «крылья летучей мыши», как в салуне. Качнув их, Антон переступил порог заведения.

Все как у людей: вдоль легкой перегородки из пластмассы выгнулась дугой стойка бара, рядом блестела никелем киберкухня. Четыре простеньких, тяжелых и крепких стола. На них, ножками кверху, простенькие, тяжелые и крепкие стулья. На большом, в полстены, вогнутом экране выдувал что-то интимное саксофон да рассыпчато шелестели ударные, мерно отбивая такт.

– А вот я вас зелененьким! – сказал кто-то противным жирным голосом. Антон пригляделся. В углу за столиком, усталым зеленым сукном, азартно потирал руки коренастый циклоид с тремя подбородками – Юрка Рудак, по прозвищу Квочка.

– Ну, щас! – заспорил его партнер, остролицый, усатенький малый. – У меня уже и так два зеленых квадрата! Куда ты мне еще третий суешь?!

– Да-а? – протянул циклоид, смешно вытягивая губы. – А мы тогда желтеньким походим и кра-асенького подкинем... Привет, Антоха! – проверещал он, завидя в зеркале Родина.

– Здорово, – буркнул Родин.

– Играть будешь? Мы только начали!

– Без меня, Юр, – сказал Антон извиняющимся голосом.

– А-а... Ну, ладно. Ходи, Изя, твой ход!

Нацедив в буфете-автомате двойной бурбон, Антон взгромоздился на табурет и нахотился. Болезненно чувствительный к репримандам, он сильно переживал, все мысли вязли в каком-то тоскливом чаду, даже витал запах гари.

«Ну вот что делать?.. – думал Антон, угрюмо водя потным бокалом по стойке. – Пойти учиться? Это четыре года как минимум. А Лида уже будущим летом кончает. Будет она ждать? С чего бы вдруг? В верности она не клялась, да и нужен ты ей, как собаке пятая нога... Ну что ты за дурак такой? Ну была же возможность! Ну чего бы не выучиться? Вот и сиди теперь... Надо же быть таким идиотом... Правда, что ли, съездить к учителю? Мало ли... Еще рано совсем, успею... А что это даст? Нет, ну правда, что толку? Зачем мне ещё чьи-то назидания? Дал бы мне кто работу, прямо сейчас! А кому ты сейчас нужен – без диплома? Кто тебя где ждет?.. Позвонить бы и сказать: „Лид, я завтра выхожу на работу!..“ Господи, полжизни бы – нате! Ну что, что мне делать?!»

Изрядно отхлебнув, Антон содрогнулся. Гадость какая... Он пошарил глазами за окном и остановил взгляд на смуглом чернявом юноше с миниатюрным пультом управления на шее. «Добытчик! – подумал Антон с неожиданной злобой. – Ах, что вы, что вы! Т-трудяга...»

От стада бесшумно летящих грузовиков внезапно отбился громадный «питер-вестерн», засиял габаритами, как новогодняя елка, и подрулил к чернявому юноше.

Юноша не спешил, но и не отвлекался. Он деловито похлопал по теплomu капоту, откинул панель, высматривая порчу, заглянул под массивный хромированный бампер и стал копаться в соузлиях, ковыряться, подтягивать, поправлять, подкручивать... И все это он делал с таким удовольствием и вкусом, что Антона завидки взяли.

...И что-то в нем самом сдвинулось, возникло как бы из ничего. Будто на проржавевшие, закившие шестеренки плеснули масла. Зубчатые колесики жадно обволоклись скользкой пленкой, заскрежетали и провернулись.

«Съезжу, – решил Антон. – Выйдет там что или не выйдет, а попробовать все равно надо...»

Глава 4

1

Конецполь, Ольвинопольского уезда

Без десяти пять на мутном синем горизонте заяснелись очертания Конецполя – плоские кремовые корпуса, прилизанные веретена тополей и старинная градирня, оставшаяся от разобранного сахарного завода. Только это и было видно – по обе стороны от дороги стояла пшеница выше человеческого роста. «Стоколосовая», пережиток неолита. Ничего, скоро экологи и до этого поля доберутся, запашут и любовно, по травинке, взрастят дикую степь. Прогресс, так сказать. Борьба хорошего с лучшим.

Жара спадала, но было еще душно. Пахло полынью-чернобыльником и чуть-чуть шалфейем. «Ну и где эта школа? – нервничал Антон. – Пора бы уж появиться. А это не к ней ли?..»

Замигали впереди сигнальные световые столбы, и Родин свернул на узкую дорогу к уездному учебному центру. У школьного парка жались, поближе к деревьям, каплевидные вертолеты. На обширной бетонированной площадке, уставленной пустыми атомокарами, не нашлось ни одного свободного места, и запыленный, зачуханный «гепард» с царапаньем и треском врюхался в заросли колючей груши. Приехали. Крутившийся поблизости кибердворник с энтузиазмом застрекотал и бросился мыть и чистить грязную машину, скрести ее, протирать и наводить глянец.

«Совсем как я, – усмехнулся Антон, – сидит и ждет, пока работа сама к нему явится...»

Вымотанный гонкой по жаре, щуря уставшие глаза, он с наслаждением окунулся в прохладную, пятнистую от солнца тень аллеи. Желтая ровная дорожка повела его через каштановую рощу, мимо стеклянных спален и пестрых коттеджей, мимо прозрачного голубого бассейна с вышкой для прыжков, мимо мастерских, мимо вишневого сада, где Антон впервые увидел детей – очень аккуратные, очень прилежные, мальчики и девочки сидели за партами, расставленными прямо под деревьями, и писали в своих тетрадках, а молоденькая воспитательница ходила от одного к другому и что-то объясняла вполголоса.

– Извините, а вы к кому, сударь?.. – спросил Родин серьезный детский голос. Антон обернулся. На него строго и пытливо смотрел отрок в коротких штанах и в летней рубашке из микросетки. «Типичный инкубаторский», – подумал Антон. Умное, воспитанное дитя. Опрятное и без комплексов. В его возрасте Антон и иже с ним ходили «бить инкубаторских» – отказников из школы-интерната на Богополе. Сколько жестокости было в тех драках на чопорных, подстриженных, причесанных, шампунем мытых улицах! Сколько ярости! И никакого смысла. Ни малейшего! И интернатовские всегда давали сдачи. Теперь они поднимают вечную мерзлоту, водят громадные планетолеты, осваивают абиссаль. Или заняты еще каким-нибудь делом, тоже большим и важным. Все они стали кем-то...

– Ты дежурный? – спросил Антон.

Мальчик кивнул.

– Мне нужен учитель Строев, – объяснил Родин, озираясь. – Он вообще-то здесь?

– Был с утра, – заверил его дежурный. – Пойдемте, я вас провожу.

Они вышли на солнце и двинулись по широкой просеке в густой, в рост человека, сочной траве, глушившей даже абрикосы-дички. Стояла духота, как в парной. От травы шел острый, горький запах.

Мягкая зелень справа мокро захрустела, раздалось глухое басистое мычание, и гигантская пятнистая корова высунула из травы любопытную морду.

– Марта, Марта... – ласково потрепал ее дежурный, задрав руку.

Марта вздохнула, как кит, тряхнула головой и выпучила на Антона большой круглый глаз. Родин постарался обойти «буренку» стороной.

– Ну и скотинища! – сказал он потрясенно. – И тебе не страшно? Три метра в холке!

– Ну что вы, – снисходительно сказал дежурный, – они же добрые! И очень послушные.

И потом, мы молока не знаем куда девать! Парного!

Из травы, озабоченно стрекоча, выскочили плоские серебристые киберпастухи на широких, мягких гусеницах и погнались Марту в стадо.

– А вот наша школа!

– Где? А-а...

Школа была двухэтажная, белая с кремовым. Высоченные шелковицы, ивы и яворы загораживали от солнца ее переднюю прозрачную стену.

– Как тебя звать хоть, дежурный? – спросил Антон. – А то неудобно как-то...

– Берталан. Просто Берци.

– А меня – Антон.

– Очень приятно, Антон, – вежливо сказал Берталан.

– Это правда, Берци, – вкрадчиво, с подковыркой, спросил Родин, – что вы учитесь по восемь часов в сутки?

– Кто вам такое сказал? – Берци сделал большие глаза.

– Ну-у... – затянул Антон уклончиво, – люди говорят.

– Если уж на то пошло, – без тени улыбки сказал Берци, – мы учимся по 10-14 часов в сутки, все время, когда мы не дома. Могу я узнать, где учились вы, Антон?

– В 12-й школе, – пробормотал сбитый с толку Родин. – А-а... э-э... ну вот был у вас урок алгебры или там экономики, а что вы делаете после уроков?

– Мы всегда очень заняты, – терпеливо объяснил Берци. – Учимся, ходим в походы, ведем раскопки на древнем кургане – это далеко отсюда, у лимана. Читаем, конечно, Устраиваем концерты и спектакли. Спортом занимаемся. Младшие играют. Но в основном...

– А тебе сколько?

– Пятнадцать скоро. Но в основном мы развиваем свои таланты – смотря, у кого какой. У меня вот способности к технике, только я еще не знаю точно, кем буду – то ли межпланетником, то ли кибернетистом. То ли еще кем.

– Ага, – глупо сказал Антон.

«Развиваем свои таланты», так-то вот. Антон вздохнул. Он почувствовал себя нашкодившим, зареванным первоклашкой, которого старшеклассник волокет к директору. И еще эти дурацкие цветоволосы... Интересно, Берци какого о них мнения? Лучше даже не спрашивать...

Они поднялись на второй этаж, и Берталан заглянул в двери рабочей комнаты «С».

– Антон Иваныч у себя, – сказал он шепотом, глядя на Антона через плечо, – но он разговаривает по видеofону. Я оставлю вас?

– Да-да, конечно, – торопливо закивал Антон и проводил взглядом удалявшегося дежурного. «Дети – наше будущее». Странное какое-то будущее, непонятное. Непривычное какое-то. Даже пугающее. Хотя... Ну, не смолит чадо сие трескучих синтетических сигарет. Не цвиркает слюной под ноги. Не гогочет у подъездов, мешая спать благонаравным гражданам. Ну и что с этого? Кто сказал, что именно такое детство обязательно и непременно? Что детям подobaет маяться дурью с пеленок, а не развивать свои таланты? Люди говорят? Поймать бы этих людей...

Антон прислушался.

– Сколько?! – донеслось из-за неплотно прикрытой двери. – А-а... Мне слышалось – «два»... Да, двадцать процентов работает. На всю Евразию это... сейчас посчитаю... Четыреста на сто... и на двадцать... получается восемьдесят миллионов человек. Где-где? Ну, нашли с чем сравнивать! В Европах ваших хорошо если процентов десять наберется работающих, да и то... А почему... Да... А почему, вы думаете, мы и вернулись в границы СССР? Именно поэтому... Конечно... Да?! А вы вспомните, на что мы замахивались! Чтобы одна десятая всего населения пошла в преподаватели, даже одна седьмая! Да! Даже так! И чтобы каждый преподаватель работал с небольшой группой учеников, с четырьмя или пятью детьми – и так все десять лет. Вот тогда будет толк! А так... Конечно... Нет а как мы можем внедрять Теорию Воспитания, если не появилось еще мощного социального слоя учителей? Кому ж ее развивать? Ну, так... Я о чем и говорю. А сколько еще реликтового, рептильного в самих школах? Не мне вам говорить об этом... Да, опять проблема. Кругом одни проблемы! А что ж вы хотите, Панас? Время такое! Фронтир! Извините, Панас, ко мне, кажется, пришли. Да... Да... Конечно. Звоните, Панас. Всего хорошего!

Антон отпрянул. За дверьми из волокнистого силиколла мелькнула разноцветная тень, и створки с шелестом ушли в стены. На пороге высился огромный, темнолицый человек. Именно высился – Антон и сам был ростом не обижен, но то ли он настроился узреть божество научной педагогики, то ли просто разнервничался, а только смотрел простец на учителя Строева, как малыш на взрослого дядю – снизу вверх.

– Вы ко мне? – спросил человек-гора. Спокойно спросил, по-доброму. Не досадуя, как некоторые, что вот, ходят тут всякие, отрывают от дел, житья от них нет... И смотрел учитель по-доброму – глазами святого, всепонимающими и всепрощающими.

– Да, учитель, – затрудненно пробормотал Антон, – я к вам. Если можно...

– Отчего ж нельзя? – легко сказал учитель Строев. – Проходите, рассказывайте!

Изрядно смущенный, Антон проследовал за учителем. Держался Родин скованно. Сейчас, когда далекая сияющая перспектива вдруг придвинулась вплотную, просто и естественно слилась с повседневностью, страхи и сомнения одолели его. Сердце прыгало мячиком, и внутри что-то противно екало.

Неудобно присев на краешек дивана, Антон начал охрипшим голосом:

– Лида Мазуренко, вы учили ее...

– Ну, как же! – радостно воскликнул учитель Строев. – Очень и очень самостоятельная молодая особа! И очень славная!

– В эту очень славную я как раз и втюрился... – признался Антон.

– Не говорите так, мой мальчик, – покачал головой учитель, – не огрубляйте свое чувство. Зачем? Получается, что вы, боясь показаться смешным, нарочно принижаете его! И ее тоже... Вы любите Лидочку?

– Да, – покраснел Антон, – я... люблю ее. Кажется... Но Лиде нужен другой...

Учитель сочувственно посмотрел на него.

– Это не вы ли мой тезка будете? – поинтересовался он.

– Ох, простите, – сконфузился Антон, – совсем забыл! Антон Родин! А откуда...

– Рад познакомиться, Антон, – ласково сказал учитель Строев. – Не другой ей нужен, а другой вы – иначе она бы не беспокоилась... Лида гостила у меня на прошлой неделе. Жаловалась на вас – и все-то вы не делаете, и ничего-то вам неинтересно, и учиться вы не желаете...

Антон потерянно молчал. Почему-то всплыло в памяти, как Лида упрашивала его показать *гулянку*, как он все отнекивался, и как все-таки сдался и привел ее, и как Лида рассматривала с холма *гульбище* под Вradiевкой, долго-долго, словно выискивала кого-то на чиненных-перечиненных электрокарах, у латаных-перелатаных тентов, среди бродящих, сидящих, лежащих вповалку простецов – босых, в штанах и юбках из домотканой материи, немых,

нечесанных, болбочущих на пиджин-рашен... И как она с невыразимым презрением сказала: «Болото... Вонь земная...»

– Разве я виноват, – начал оправдываться Антон, – что чуть ли не вся работа перепала киберам? Попробовал бы я раньше дома посидеть! Как же! Я тогда бы водителем пошел или там сварщиком каким-нибудь... ну, не знаю... да хоть кем! А теперь – все! Теперь куда ни сунься – везде одни киберы! Киберводители, киберпастухи, киберофицианты, киберуборщики... Да вообще, что толку работать, когда и так все есть?! Какой в этом смысл? А и захочешь поработать, то что? Пойди сначала и выучись – на инженера там или на кого еще. А я, может, не хочу?!

– Но вы же вроде поступали куда-то?

– Ой, да... – Антон сморщился и махнул рукой. – Поступал... вспоминать тошно. Через год после школы подался в МГУ. Хватило ж ума! Не готовился ведь совсем, вот так вот, собрался и поехал! Вот же ж...

– Провалились? – участливо спросил учитель.

– На первом же экзамене... – уныло подтвердил Антон. – Нет чтобы куда попроще попытаться, в тот же Николаевский политэн. Давно бы уже отучился...

– Хм... А мне Лида рассказывала, вы в киберах разбираетесь...

– Это смотря в каких... – осторожно сказал Антон. – В домашних – да. В грузовых, в транспортных – в таких вот.

Из-за двери донеслись чьи-то веселые голоса и женский смех. Антон Иванович оживился.

– Это Глеб возвращается со своей девушкой. Тоже мой ученик, – сказал учитель с гордостью. – Глеб Жилин. Слыхали, может?

– Жилин?! – изумился Антон. – Чемпион по субаксу?!

– Он самый! – рассмеялся учитель Строев. – Вот видите, что вам запомнилось! А ведь Глеб еще и кибернетист известный, кандидат наук, воентехник... – Учитель примолк и остро глянул на Антона. – Знаете что... А ведь это для вас самый лучший выход! Глеб уходит в проект «Марс»... Упросите его, чтобы он и вас с собой взял!

– Я... – задохнулся Антон.

– Вам нужна работа? – прямо спросил учитель Строев.

– Да, конечно! Но... вы думаете... он возьмет?

– А я его сильно попрошу! – подмигнул учитель.

Двери разехались, и в комнату вошел высокий, крепкий человек с быстрыми движениями и жестким, уверенным взглядом. Он был одет по-простому – черные джинсы, серая рубашка – и вел за руку роскошную девочку.

– Учитель, – оживленно заговорила девочка, – у вас тут как на курорте! Правда-правда! А молоко какое – прелесть!

Она обратила внимание на Антона, отметила его цветоволосы и равнодушно кивнула – Антон готов был снять с себя прическу вместе со скальпом.

– А вы бы видели нашу конюшню, Мариночка! – похвастался учитель. – Попросите Глеба, пусть бы вас покатал!

– В следующий раз, учитель, – мягко сказал Глеб, – нам надо еще к ее маме слетать, в Санта-Фе и обратно. Поздно уже.

– Ой, как жалко... – с огорчением сказала Марина, – я так лошадей люблю!..

– Глеб... – проговорил учитель просительно. – Тут один молодой человек рвется на Марс (Антон слотнул всухую)... Антон, подойдите. Его зовут Антон Родин. Ему нужно помочь.

– Мне очень нужна работа, – осмелился сказать Антон, Ответом ему был холодный взгляд.

– Да?

– Да... – еле выговорил Антон. – Я немножко кибернетист, немножко оператор... Правда, у меня нет образования... Но я буду учиться заочно! – выкрутился он. – Просто... Понимаете, если я не позвоню сегодня... одному человеку, что выхожу на работу, я могу этого... эту девушку потерять...

Марина задумчиво, чуть приподняв брови, разглядывала Антона. Жилин посмотрел на учителя Строева. Учитель кивнул.

– Хорошо, – твердо сказал Жилин, – я беру вас (у Антона захолонуло в груди). Но учтите: поблажек от меня не будет (Антон истово закивал головой, еще не веря сбывшемуся)! Ясно? В Москве, в Управлении космолота... Нет, езжайте вы сразу в Звездный городок – пройдете медкомиссию там. Дадут врачи «добро» – быстренько на космодром Фидониси, шестой посадочный сектор. На Спу-1 сделаете пересадку на рейсовый «Бора». И что это у вас на голове творится? Чтоб я этого больше не видел. Все поняли?

– Да, конечно! – сказал с восторгом Антон. – Спасибо большое! До свидания!
Он неловко поклонился и выбежал вон.

2

Новгород, Люгоща, «Вежа-11»

Намотавшись по пенатам, наведавшись к своим учителям, нагостившись у обеих мам, Глеб с Мариной до смерти устали и, отужинав в платном ресторанчике на Прусской, подались домой к Марине – к ней было ближе.

Ночной Новгород даже близко не походил на Новгород, освещенный солнцем. Он искушал, он манил, он обольстительно и порочно улыбался, суля все мыслимые и немыслимые улады и даруя их, не скупясь.

Ярко светились прозрачные и полупрозрачные стены и ярусы. Мерно плыли в воздухе огненные буквы реклам, озаряя толпы нарядных людей. Разноцветные блики скользили по фидерам движущихся тротуаров. Все бары-автоматы и даже кафе с табличками «У нас платят» были переполнены. Народ толкся на межъярусных эскалаторах, поднимался по роскошным пандусам, кружил на спиральных спусках – спокойный, раскованный, доброжелательный народ.

– И перед старую столицей, – пробормотал Жилин, – померкла младшая Москва...

– Ты что-то сказал? – лениво спросила Марина.

– Да так, просто. Вспомнилось. Далекое еще?

Марина, обнимавшая его руку, потерлась носом о Глебово плечо.

– Нам на Люгощу надо... – сказала она невнятно и приподняла голову. – Да мы уже почти приехали! Во-он моя «Вежа»!

За спектролитовым колпаком такси ракетировали к небу хрустальные башни.

– Эта?

– Да нет! Слепандя... Которая справа!

У кольцевого подъезда они остановились. Атомокар подождал, пока все выйдут, захлопнул дверцы и покатыл на стоянку.

– Спать хочу... – сказала Марина, зевая, и вошла в пузырь лифтовой кабины.

– Скоро выспишься, – успокоил ее Глеб, мгновенным движением подхватывая оброненную Сегундо баночку кленового сиропа. – Не падать! Нам на какой?

– 89-й...

Дверцы чмокнули, запахнувшись, и ускорение мягко налило тяжестью два организма и один механизм.

– Надо будет со Спу обязательно маме позвонить, – сказала Марина. – Очень мне не хочется ее одну оставлять, а что делать? – Девушка вздохнула. – Я у нее до этого той осенью была. Какая там красотища! Осины и тополя прямо как золотые, а небо синее-синее. На Сангре-де-Кристо, на вершинах, уже снег лежал, а склоны темные – там тсуга растет, елки разные... Мы там оленя видели... и бобров.

На 89-м горизонте тяжесть схлынула, и лифт выпустил всю троицу на длинную галерею с прозрачными выгнутыми стенами, сходящимися вверху. За ними дрожало зарево огромного города. Чуть ли не весь Неревский конец простирался далеко внизу, мерцал и переливался, как разворошенные угли. На прозрачной крыше галереи калились красным огни энергоприемников.

– Ну, наконец-то дома! – простила Марина и протопала в услужливо открывшуюся дверь. Тут же сработала световая автоматика.

– Куда положить вещи? – спросил невозмутимый Сегундо.

– Оставь пока здесь, – распорядилась Марина и скрылась в предбаннике. Через секунду она выглянула из-за двери. – Ты париться не будешь? – спросила девушка с надеждой.

– «Не будешь», – заверил ее Жилин.

– Тогда... там, наверху, есть ванная, – обрадованно сказала Марина, – а то я не люблю, когда кто-то ждет, мне это мешает.

– Парься, парься... – проговорил ласково Жилин, и девушка, белозубо улыбнувшись, исчезла за дверью.

Глеб с интересом огляделся. В огромной гостиной, вдоль трех стен которой тянулся балкон с красивой лестницей, ведущей на верхний этаж, ничего не было, кроме большущего камина, сложенного из камней, и поблескивающей панели компьютерного блока. На полу лежали коврики, сплетенные навахо, а все остальное было убрано, с глаз подальше, в зеркальные стенные шкафы – они смотрелись как одно огромное сплошное зеркало. Такая натура, рассудил Жилин. Не любит много барахла.

...Когда он – чистый, румяный, благоухающий – спустился в гостиную, из бани, лохматая распушившиеся волосы, вышла Марина – чистая, румяная, благоухающая. Изогнутые амфорой бедра, немисливо тонкая талия, тугие чаши тесно поставленных грудей. Сердце Жилина бухнуло и забило, как пойманное.

Переступая ровными ногами, сложив кулачки на груди, Марина подошла на цыпочках и прижалась к нему, горячая и гладкая.

– Красавица моя... – проворковал Жилин.

– Да, красавица я... – с удовольствием повторила Марина.

– Красоточка... – продолжал ворковать Глеб. – Красотулечка...

Он подхватил девушку под коленки и взял на руки, кладя пальцы на упругую грудь.

– Пусть он отвернется, – прошептала Марина, – а то я при нем стесняюсь...

– Сегундо, – строго сказал Жилин, – отвернись!

Кибер заворочался, а Глеб, больше всего боясь оступить, обнял крепче свою драгоценную ношу и бережно понес наверх.

Глава 5

ПОСАДОЧНЫЙ БОТ «КОЧА»

Перегрузка наседала, подступила боль в пояснице и затылке, и амортизирующая смесь зажурчала активней.

– Пятьсот тридцать секунд, – бесстрастно доложил компьютер. – Полет нормальный. Корабль вышел на орбиту.

Реактор заглушили, и тут же все незакрепленные предметы стронулись и всплыли. Частицы Гленна сыпанули сверкающими искрами, заплясали за крошечным иллюминатором, медленно потянулись от головной части к хвостовой.

– Бортинженер Громыко! – разнеслось по громкой связи. – Освободить пассажиров из амортизаторов!

Не дожидаясь бортинженера Громыко, Жилин сам сдвинул крышку и поморщился. Было такое ощущение, как будто его голову пытаются вытянуть из шеи – чувствовалось напряжение мышц под подбородком, тяжелели лоб и затылок, живот как бы подсасывало вверх... Изнывая от тошноты, Глеб переоделся в черный блестящий комбинезон, а на ноги обул тяжелые сапоги с магнитными подковками.

«Лучшее средство от хвори – поступать назло хвори!»

Бодрясь, Жилин выпорхнул в коридорный отсек и поплыл в рубку. В тесном коридоре сновал от каюты к каюте насупленный Громыко. Натужно сжав губы в улыбку, Жилин спросил:

– Как там мои кадры?

Громыко приветливо улыбнулся – и превратился в совсем-совсем другого, очень мягкого и доброго, немного даже наивного, душевного, робкого с девушками и неуверенного в себе человека. Вот почему, подумал Жилин, он вечно угрюм и не улыбочив. Прячется.

– Все в порядке, мастер, – сказал Громыко сиплым голосом и прочистил горло. – Одну девушку стошнило, но не сильно.

– Не шатенку, случайно? – осведомился Жилин.

– Нет, черненькую такую, – сказал Громыко, – со стрижкой.

«Хорошо, хоть не Маринку, – подумал Глеб. – Бедная Рита...»

Уступая друг другу, Жилин с Громыко чуть было не сшиблись – бортинженер проплыл у потолка, а главный киберинженер поднырнул под него и через узкий колодец проскользнул в рубку.

В рубке было жарко. На месте старшего пилота сидел Максим Гирин, огромный и светловолосый, похожий на добра молодца из сказок. Зевая, он вычитывал курс-пакеты, бегущие по экрану бортового компьютера. Тишина стояла библиотечная. Негромко посапывал климатизатор. Чем-то шелестела контрольная система. В голубых окошечках мельтешили зеленые синусоиды, ровно держали свет мелкие экранчики табло. Жилин постучал по люку.

– Кто-то мне место обещал...

– Заходи, – добродушно пробурчал Гирин. – Что, погано?

– Нормально, – проворчал Жилин, неуклюже суясь в ложемент. Крепления с мягким щелчком зафиксировали его тело. – Потерплю уж как-нибудь...

– Гадство... – прогудел Максим. – Такое чувство, будто стоишь на голове и вся морда кровью набрякла...

Он возложил мощные длани на пульт и вперился в экран телепроектора. Все шло штатно.

Корабль медленно проползал над ночной Евразией. Внизу четко выделялись автострады, разрезавшие Сибирь на квадраты и прямоугольники, огненным бисером смотрелся Северный

Пояс городов, блестели под Луной реки, Урал весь затянуло полосами облаков, и громадный Екатеринбург просвечивал сквозь них оранжево-красным пятном.

– Здесь «Коча», Земля – орбита, первая зона, – пробасил Гири́н в бортовой радиэфон. – Здесь «Коча», Земля – орбита, первая зона! Вызываю Спу ПАЛ. Прошу финиша на Спу-1 «Промежуточной».

– Станция ПАЛ к «Коче» Земля – орбита, – немедленно отозвалась Главная диспетчерская. – Переходите на монтажную орбиту, финиш сектор 3-Ц. Конец.

– Принято...

Жилин осторожно вытянул ноги (не задеть бы чего...) и опять повернулся к экрану. Там, справа в углу, выглядывало кружево раскрытой антенны. Земля была еще погружена во мрак, небо с его немигающими звездами тоже чернело непроглядной темнотой, а вот антенное устройство уже сияло слепяще белым светом. Корабль выходил из тени.

Край Земли очертился отчетливой темной линией, на угольно-черном небе проявилась полоса глубокой, чистейшей голубизны и начала блекнуть. Выше, обрамляя круглящуюся Землю, занялся красный зоревый серп, разгорелся до яркого желто-золотого колера и стал горбиться, вспучиваться, набухать – всходило Солнце.

– «Ариес-4», Луна – Земля, – подключился к каналу чей-то высокий, звонкий голос. – «Ариес-4», Луна – Земля вызывает Спу ПАЛ! Схожу на заправку сектор БОП, схожу на заправку сектор БОП, резерв один ноль два. Прием.

Зеленый огонек вызова потух и загорелся снова.

– «Хиус-8», Меркурий – Земля, «Хиус-8», Меркурий – Земля, нахожусь в секторе 8-Е...

– Спу ПАЛ «Ариесу-4», Луна – Земля. Заправка сектор 8-Ц, база Пи-Эл 13. Конец.

Пролетели над Камчаткой; очень темный поначалу, черный, как тушь, океан постепенно светлел, принимал хмурый свинцовый оттенок. Было интересно наблюдать, как между ночью и днем быстро перемещалась сероватая кайма сумерек – облака над нею теплились нежным розовым светом.

Гулко хлопнул люк. Голос Громы́ко пробормотал:

– Извиняюсь...

– Ориентацию выполнил, Митрич? – басом отозвался Гири́н.

– Обязательно... – Бортинженер кувыркнулся, коснулся пола, взлетел к потолку, оттолкнулся и раскорякой скользнул на свое место у пульта. – Финиш-программу будешь проверять?

– Да что ее проверять... Ну, давай.

Гири́н, пыхтя, дотянулся до голубого листка, просмотрел его и отвалился в кресле.

– Вводи в киберштурман, – сказал он, сладко зевая.

Звезды потухли, горели лишь Сириус и Вега. Начинался новый день. Океан внизу размеренно, потихоньку катил свои волны, видимые с орбиты, как застывшие светло-голубые сборки, а облака казались плывущей по воде пеной. Прямо под кораблем зеленел маленький, кругленький островок, обведенный, как мелом, белесым контуром прибора. Бросался в глаза четкий белый штрих – выхлоп какого-нибудь щеголеватого лайнера, а может, трудяги-балкера.

– Максим! – прозвенел по интеркому Маринин голос. – Можно мне расстегнуться? А то я еще ни разу не была в невесомости. Я тут немного полетаю! Можно?

– Ладно уж, – улыбнулся Гири́н, – полетай. Только осторожно, смотри! А то долетаешь...

– Ладно!

Жилин пошевелился в кресле и скривился – показалось, что пульт где-то внизу, а он висит, прицепленный к потолку. Чертова невесомость...

– «Луч-5Т», Пояс – Земля, вызывает Спу ПАЛ. Дайте пеленг. Прием.

– «Ариес-4», Луна – Земля, вызывает Спу ПАЛ. Выхожу в сектор 5-Д, прошу дать предупредительный по зоне станций. Конец.

– «Хиус-8», Меркурий – Земля, базе Пи-Экс 17. Схожу с орбиты в четвертой зоне, прошу финиша у ангара Новембер-Танго. Прием.

– Что-то сейчас вспомнил... – пробулькал Громыко и чихнул: – Р-р-рум-чж-ж-жах! Да что это... Смотрели вчера по ВВ? На Церере боты угнали – то ли три, то ли все пять... Я прослушал.

– Этой мрази везде хватает, – поморщился Жилин, – что на Церере, что на Земле.

– А на Марсе... слышите? Киберкомплекс раскурочили.

– Придурки...

– Дорвались до бесплатного... – пробурчал Гирин. – Вот чего людям нейметя? Ну, не нравятся тебе репликаторы – не пользуйся! Кто ж тебя заставляет? Копайся себе на даче, детей расти... Или вон к экологам шуруй, леса сажать, там никаких дипломов не требуют – росли бы руки, откуда положено... Вот поработали бы – узнали б тогда! Атак... Что им, когда вон они еще обкакаться по первому разу не успели, а у них уже всего навалом – и чего надо, и чего не надо, и все за чужой счет! Вот они с жиру и бесятся...

– Скучно им, – вывел Громыко.

– А как же... – Гирин дотянулся до сенсора. На вертикальных шкалах забегали огонечки. Всплыл фигурный светосигнал, помигал немного и погас. – Помнишь, как Горбунков первый репликатор запустил? А, ну да, тебе тогда годика четыре было... А я как раз в первый класс пошел. Помню, все аж плющились от радости: «Изобилие! Счастье для всех – и даром! Уря-уря!» Доурякались. Я как-то батю оформлял в Фонде изобилия, смотрю, а на стене такой плакат висит, и на нем большими буквами выведено: «Ваши беды кончились! Желания исполнились! Мечты сбылись! Вы закреплены за распределителем номер такой-то, все вещи в ассортименте и продукты питания Вы можете получить лично или заказать с доставкой на дом...» Я плюнул и ушел. Лучше сделали, называется! Господи, ну подумали бы своей башкой, администраторы хреновы, а кому ж эти люди стали нужны теперь?! О ком им заботиться? Ради кого, «исполнять долг»? Раньше у них хоть что-то было в жизни! Они вкальвали, как все, с девяти до трех, копили на вертолет, годами расплачивались за дом, за киберуборщика, покупали дитю самое лучшее и дорогое, чтобы все было, «как у людей», на себе экономили, лишь бы отложить на квартиру для чад ненаглядных. Мечтали слетать в Париж или на орбиту... А им все разом – шарах! – берите, люди, пользуйтесь! Люди и пользуются – хапают, хапают, гребут двумя руками, набивают шкафы тряпьем, да еще и утрамбовывают, чтобы побольше влезло... А потом спиваются! Или мрут под грезогенераторами. Или вон киберов курочат... А что им еще делать? Целей новых нет, средств новых нет. И желаний новых – под ноль! Вот и рядятся в пурпур...

– Боком нам вышло это изобилие... – вздохнул Жилин,

– Да уж... – буркнул Максим. Он подался к главному пульту, внимательно следя, как сплетаются и расплетаются голубые тенета мнемодиаграмм. – Марина!

Некоторое время спустя из интеркома донесся запыхавшийся голос:

– А?..

– Налеталась?

– Ага!

– Пристегнись там. Готовимся к маневру.

Послышалась возня, какое-то барахтанье, хихиканье, и Марина звонко доложила:

– Все!

– Приступаем к двухимпульсному маневру, – посуровел Громыко.

– Параметры орбиты проверены, – отрапортовал компьютер. – Все системы в норме.

– Поехали, – коротко приказал Гирин.

Близился закат. Сумеречная серая полоса накатывалась на планету и густела; тени вытягивались в длину, становились бело-голубыми, сливались с потемками. Антенна теперь гляде-

лась как золотая, а по ходу корабля и в стороне, над неосвещенной Антарктидой, колыхалось великолепное полярное сияние.

– Сказка! – вырвалось у Гирина.

Жилин быстренько наклонился к микрофону:

– Марина! Посмотри в иллюминатор! Скорее!

– Ни-че-го себе! – достиг рубки приглушенный возглас.

Зеленые ленты сияния извивались по Земле, аки змии, а из них били вертикальные столбы света. Исполинские фонтаны света. Настоящие световые гейзеры. Они полыхали и зеленым, и красным, и голубым, и синим, и рубиновым – хлестали, качаясь и скрещиваясь; цветные отблески ложились на лица, перебегали по стенам рубки, трепетали, гасли и разгорались вновь.

– Двигатель включился, – нарушил молчание Громыко. Он был очень занят, и возлеземная экзотика не успевала стать для его глаз пиршеством. Самое большее – какой-нибудь вкуснятинкой, перехваченной на ходу.

– Чую, – кивнул Гирин. – Немного подрагивает, подрагивает машина...

– Входим в зону станций, – озаботился компьютер. – Высота орбиты один мегаметр, скорость семь тридцать пять, период обращения сто пять минут. Все идет штатно.

– Переходим к сближению, – скомандовал Гирин.

– Есть!

Раскрутился, стягиваясь и топорщась, коричневатый мнемографик. На малом дисплее загорелась надпись: «Исходная стыковки».

– Спу-1 «Промежуточная» – «Коче» Земля – орбита, – раздался бодрый тенорок в селекторе. – Вам разрешается финиш на второй доковой палубе, пятый стыковочный узел. Вторая доковая, СУ-5. Конец.

– Принято, – пробасил Гирин. – Спу наблюдаем. Дальность пять тысяч метров. Крен девяносто градусов.

– Цель точно по центру, – добавил компьютер. – Сближение идет нормально. Набирается скорость.

На экране телепроектора появился Юпитер, за ним высыпали звезды. Но маленькая точка Спу в перекрестье визира блестела еще ярче. Корабль, словно усталый мерин, почувавший конюшню, встрепенулся и загудел двигателями.

– Дальность одна тысяча метров. Крен постепенно выбирается.

– По нашим данным, – осторожно подключился Спу, – у вас все идет штатно.

– Все в норме, – подтвердил компьютер.

– Видим корабль! Отлично идет, без крена, тангажа, точно по центру!

На расстоянии километра светящаяся точка «Промежуточной» растопырилась замысловатым иероглифом; резкие светотени складывались в колечки, шарики, палочки. Вспыхнула надпись «Наличие цели», и корабль начал разворот.

– Есть захват! – сказал Громыко удовлетворенно.

– Дальность четыреста восемьдесят метров, – затараторил компьютер, – скорость ноль девять. Идем в графике.

Жилин покосился на Гирина. Квадратный добрый молодец как склонился над пультом, так и застыл, нахмурен и сосредоточен. На его лице, с твердым подбородком и широковатым носом, выступил пот, собравшийся в горошины.

– Дальность? – разлепил он губы.

– Дальность двести метров, – отбарабанил комп. – Скорость ноль семь. Наддув в норме.

Идет торможение.

– Спу-1 – «Коче». Вам разрешается причаливание.

– Выдали команду на причаливание, – отпасовал Гирин.

Раскинувшая крылья солнечных батарей, простроченная вдоль и поперек цепочками иллюминаторов, станция выростала на экране в громадную связку торов, шаров и цилиндров, растянутую по вертикали. Но какой бы здоровущей она ни была, сокрыть «Бору» ей не удалось. Гигантский фотонный планетолет реял в черной пустоте, пристыкованный у внешних доков Спу, и смахивал издали то ли на сверкающую рапиру с обломанным клинком, то ли на детскую пирамидку – толстая труба фотореактора была вдета в огромный параболоид отражателя, на нее был наколот серебристый диск грузового отсека, а на верхушке блестела шаровидная жилая гондола.

– Ничего машинешка? – небрежно-горделиво сказал Гири.

– Да уж... – протянул Жилин. Он хотел сказать «бандура», но вовремя спохватился (еще обидится) и выговорил: – Сама чуть меньше Спу...

– Да, это тебе не баран начихал!

– Подходим к станции.

Пятый стыковочный узел, где-то сбоку круглой доковой палубы, был хорошо подсвечен – справа горел зеленый огонь, слева – красный. Две пары белых фар мигали сверху и снизу.

– Идет торможение... – выдал компьютер. – Корабль готов к стыковке.

– Заметно работают двигатели, – проговорил тенорок со Спу, – такие вспышки, вспышки идут...

Гири отнял руку от клавиш управления и размял пальцы.

– Дальность шестьдесят метров, – нудил комп, – скорость ноль три... Спу пошел вправо... Начал гасить бок...

Гири промокнул лицо салфеткой, смял ее и сунул в карман.

– Есть гашение боковой... Идем на стыковку.

– Ожидаем касания...

Стыковочный узел угрожающе надвинулся, заняв весь экран.

– Есть касание!

Корабль резко дернулся, гася инерцию, сначала в одну сторону, потом сразу в другую, но рубчатые присоски уже крепко сжимали массивный конус с кокетливо оттопыренными стабилизаторами.

– Есть сцепка!

Бот качнулся – так вздрагивает горячее тело, когда до него дотрагиваешься холодной ладонью. Запищала и заскрипела герметическая перемычка, пару раз за бортом коротко прошипело, и все – привычные звуки как-то сразу угасли. Зато явственно прорезались станционные шумы. Потрескивание, изредка – пощелкивающий скрип; о чем-то неразборчиво толковали громкоговорители на доковой палубе, доносились голоса и гремящие шаги.

– Приехали, – сказал Громыко и вынул из замка ключ от стартера.

Глава 6

ОРБИТАЛЬНАЯ СТАНЦИЯ СПУ-1 «ПРОМЕЖУТОЧНАЯ»

Все вместе они проплыли в кессон станции, уцепились подковками за магнитную дорожку и прошкандыбали в переходной отсек. А там – не протолкнуться, отсек был битком набит. Добровольцы, межпланетники, планетологи, любопытствующие пассажиры. Говорили все сразу:

– А пробы? Пробы вы хоть брали? Да? И что?
– На Церере, ты имеешь в виду?
– Ну а мы о чем говорим?
– Да все то же самое – углистые хондриты и клатраты, «нифе» мало. Из чего там строить – не знаю...

– ...Ред, дай глянуть! Нет-нет, вон ту! Ага...
– Черт, всю регистрограмму размотал... А? На, держи... Да ты сматывай, сматывай...
– ...Нет, разлом доходит до Земли Афродиты, вот досюда, а здесь вот... нет-нет, здесь – да что ты мне говоришь! Я же знаю... Обнажения суперские, классные просто – дунит, гипер-стеновый пироксенит, эклогиты...

– О-ля-ля!
– Заметь: те же глубинные ультраосновные... слышишь, что говорю?
– ...Ой, да согреем мы этот Марс! Подумаешь... Разговору больше.
– Думай, что говоришь! Это ж тебе планета, а не банька!
– Пф-ф! Подумаешь, планета! Да хоть две планеты!
– ...Это только так кажется, что «Бора» велика. Внутри-то тот же ионолет – смотреть не на что...

– Ну, ты как скажешь! Рейсовик есть рейсовик. Целый километр в длину – это тебе не что-нибудь!

– Это ж Виджай, ему лишь бы поспорить! Сам же видел, какая там «юбка» – полкилометра в растворе!

– Во-во! А в длину эта «макси», считай, метров семьсот, даже семьсот пятьдесят! И что от самого корабля остается? Фиг да маленько! Ну, метров сто от силы...

– Да?! А двести пятьдесят – не хочешь?!

– Ну, двести пятьдесят...

Жилин отодвинул дежурного диспетчера, чесавшего язык со всеми за компанию, и повелительно сказал:

– Проходите на палубу, не стойте! Чего зря толкаться?

Ребята и девушки, звякая и цокая по магнитному полу, протиснулись в помещение с куполообразным потолком. Галдеж почти прекратился, и все посмотрели на Жилина, парни – выжидающе, девушки – с интересом. Глеб непринужденно улыбнулся.

– Меня зовут Жилин, – представился он, – Глеб Жилин. Я – главный киберинженер проекта и ваше непосредственное начальство. По всем вопросам обращайтесь ко мне.

Толпа зашумела.

– Все тут, никого не забыли? – повысил голос Жилин. – Корелли... Алишеров... Ивернева... Никольский... Черняк... Соловейчик... Так, вижу... Сугорин... Свантессон... Вижу, вижу... А Шимшони где?

– Здесь я!

– А, извини, Яэль... Завьялов... Быстров... Вожжеватов... Я правильно назвал? Ага... Вот тебя не помню.

– Морган, сэр! Тимофеем звать!

– Из Джакоя? Ясенько... Все, что ли? Что-то мало вас...

Раздались голоса:

– Шас еще придут!

– А Танька с Катюхой где? Где? Скажите им, чтоб сюда шли!

– Вон Родин еще!

– Вылазь, вылазь давай!

Стесняясь, из толпы вышел Антон Родин. Голова у него была обрита наголо.

– Антон Родин, – сказал он с ноткой нерешительности, – стажер.

– Ну и как, стажер? – улыбнулся Жилин. – Дозвонился до... одного человека?

– Дозвонился... – засмутился Антон.

В толпе никто ничего не понял, только Марина хитро улыбнулась и что-то прошептала на ухо бледненькой Рите Иверневой. Рита поджала губки, боясь засмеяться.

– Не вижу Гупту... – заозирался Жилин.

– Ты где, Виджай?

– Да вон он, в «малинник» забрался!

– Тут я! – поднял руку смуглый парень приятной наружности. Он покосился на стайку девушек и сказал, соображая: – Получается, все девушки будут работать на Базе?

– Получается, – улыбнулся Жилин.

В толпе зашумели. Слышались возгласы:

– Ничего себе! Так нечестно!

– Гунилла, ты-то хоть с нами?

– С ними!

– Предательница!

– Не, вы как хотите, а я перевожусь на Базу!

– А то никакой жизни!

Из «малинника» звонко утешили:

– Ничего, будет и на вашей улице праздник!

– Когда перевернется «КамАЗ» с печеньем... – добавил кто-то после короткой паузы.

Тут лекторский голос Йенсена покрыл веселый шум:

– Добрый день, господа! Здравствуйте!

Толпа расступилась, и Ларс Юлиус Йенсен, лауреат Большой премии Яна Амоса Коменского, лауреат Геродотовской премии, профессор Ладожского университета, директор Петербургского института планетологии, почетный доктор Кембриджского университета и действительный член Всемирной де сиянс академии, оказался в середине круга. За ним выдвинулся высокий, стройный африканец, сложенный, как равнобедренный треугольник, и симпатичный по европейским стандартам – губы у него были не так чтобы тонкими, но и не вывернутыми, нос – вполне прямым, а все лицо – длинным. В общем, не совсем африканский фенотип.

– Знакомьтесь, господа! – торжественно провозгласил Йенсен. – Габа Оле-Сенду, штурман корабля «Бора»...

Глаза бваны Оле-Сенду выпучились абсолютно по-африкански.

– Худжамбо, бвана афанде! ⁹ – возопил он, да так, что Йенсена, бедного, шатнуло, и ринулся к Жилину. – Х'веве? ¹⁰

⁹ приветствие старшего по званию (суахили).

¹⁰ Это ты? (суахили)

– Сиджамбо, Габа! – ответил, посмеиваясь, Жилин и попал в объятия здоровенного масая. – Сикуона ве ве тангу замани! ¹¹ – выдавил он.

По толпе пронесся шепоток.

– Мой командир был! – похвастался Габа хмыкающему Гирину. – Мы с ним и с нукерами Мехти-хана дрались, и штурмовикам Чанга жару дали – помнишь, на Таити? О-о, а как интернацистам всыпали – до сих пор вспомнить приятно! У моего афанде орденов больше, чем пуговиц на блейзере!

– Габа... – пристыдил Жилин разошедшегося штурмана. – Что люди подумают?

Толпа шумела с одобрением.

– Везет же Габе! – добродушно прогудел Гирин. – Вон, как огурчик! А тут... – Он помассировал мешки под глазами. – Что лыбишься?

– Ликую бо! – радостно вскричал Габа. – Скорблю о нищих телом, ибо не дано им вкусить утех невесомости!

В толпе начался хохот.

– Юрод... – буркнул Гирин. – Ладно, пошли! Мы еще техконтроль не закончили... Пошли, пошли! Насмотришься еще на своего афанде!

– Поговорить уже не даст с человеком!

Толпа с хохотом провожала Габу, а тот весело скалил зубы. Некоторое время из бесконечного коридора Спу еще слышался его голос, вопрошающий «чертова медведя», куда тот так несется, и бас Гирина, советовавший «морану недоделанному» живет перебирать ногами.

Громыко поджал губы и просипел:

– Вот взяли моду... Только и знают, что ругаться...

– Не обижайте моего Максика, – весело сказала Марина. – Это все Габа на него дурно влияет!

– Да оба они хороши, – сказал Громыко. – Когда порознь – люди как люди, а как сойдутся... Все!

– Господа! – воззвал из коридора Йенсен. – Господа, особенно не расходитесь! Сейчас все идем на предполетный медосмотр!

Из толпы послышался вопрос: «А куда идти-то?»

– А вот так вот, по коридору, – любезно пояснил Йенсен, – до самого конца и налево, там будет кают-компания. Вот туда.

Добровольцы дружно повернулись и, беспорядочно клацая магнитными подковами, повалили в коридор.

– Пупа, пупа, пупа, пупа! – грянули в толпе «Марш добровольцев».

– Дзюмба квели капитоли камикадзе! – наяривали в первых рядах.

– Пи-пи, па-си-пупа! – подтягивали сзади. – Ква-кварель! Ква-кварель!

Йенсен открыл в конце коридора круглый люк, и все по очереди стали пролезать через него в кают-компанию. Это был обширный круглый зал со сферическим потолком. Рядышком с прозрачной переборкой, отмеченной красного цвета крестом, полумесяцем, молотом, колесом Сансары и звездой Давида, оболочку станции прорезал огромный круглый иллюминатор. Кто-то завопил:

– Тимка, смотри! Твоя Австралия!

– Bloody ¹²! – восторженно взывл Тимофей Морган, рыжий и конопатый «осси» ¹³, самый молодой метеотехник в группе. – Bloody great!

¹¹ Давненько не встречались! (сушили)

¹² Bloody – «великое австралийское прилагательное», употребляется в значении «проклятый», «чертовски», в том числе и в хорошем смысле: «чертовски хорошая погода». Bloody great – чертовски здорово (англ.).

¹³ Осси – сокр. от англ. «австралиец».

Жилин тоже подошел. Спу проплывала над Австралией. Песок пустынь светился очень чистым бледно-желтым цветом, леса на этом фоне казались темно-темно-бурыми, чуть ли не черными. Атмосфера была прозрачна до невозможности и полностью свободна от облаков, только какой-то стратолет, несясь на гиперзвуке, оставлял за собою прерывистый инверсионный след – зыбкий пунктир, зачеркивавший Квинсленд наискосок.

– Сугорин, Гупта, Черняк, пожалуйста! – раздался за спиной тонкий голосочек девушки-практикантки.

Все обернулись. Гупта замешкался и вошел к врачу последним, пропустив перед собой длинного как жердь Сугорина и плотного, долгорослого Гошу Черняка.

– Йенсен, Соловейчик, Родин – приготовиться!

Жилин занял очередь, а тут и неразлучная парочка появилась. Штурман и командир «Боры» ввалились в кают-компанию, словно из 3-го «Б» на перемену выскочили – сразу стало шумно и тесно. Габа хихикал, вертел головой и хлопал себя по бокам, а русский медведь о чем-то с азартом ему повествовал. «С виду – свирепый гризли, – пришло в голову Жилину, – а ведь по натуре своей – большой плюшевый мишка...»

– Кто крайний? – закричал Габа.

– Я, – отозвался Жилин.

– Мы за тобой, афанде! Ну-ну... – подбодрил штурман командира.

– Ну, что... – затянул командир, – было это аж в позатом году. Афросоюзу только-только передали две ядерные ракеты – старую «Шелонь» и почти что новую «Стрелу» – и меня к ним инструктором прикрепили. Ага... Ну, пока я доехал до Найроби, пока нас устроили в общежитии университета – деньги, считай, все вышли. Африка же, за все платишь наличкой – да, настоящими бумажными деньгами! Я с собой привез маленько, да все раздарил... (Добровольцы подходили и обступали Гирина.) И вот буквально на другой день мне приходит перевод на 500 рублей. Мой аванс. Ну, думаю, живем!

– А что это такое – перевод? – робко спросили из толпы.

– А... Ну, это когда деньги тебе по почте присылают. Как письмо. Ага... А почта там рядом, на Муинди Мбингу-стрит, ну, ты знаешь... (Габа кивнул.) Ага... Я туда. Так и так, говорю, вот, денежки мне пришли. Как мне их получить? И сую свою писульку. А за стеклом негритяночка, симпопничик такой, даже не обтянутая – облитая своим костюмчиком, тычет мне другую, чистую бумажку. «Хапана¹⁴, – говорит, – хапана». Сначала, мол, заполните. Ну, ладно, думаю. Достаяю стило, пишу – фамилию вывожу, имя проставляю... И тут – стоп! «Личный номер в паспорте». Я-то совсем забыл, что паспорт нужен! Я ж его сроду в руках не держал, паспорт этот. Привык, что везде компы. А тут – здрасьте, приехали!

Ну, что делать, пришлось идти за паспортом. А теплынь такая на улице, джакаранды в цвету – тротуара не видно, все усыпано фиолетовым... Поднимаюсь я к себе, лап-лап по карманам – нету паспорта! Все сумки перешарил – нету! И ведь я же помню, что он у меня был! Нам их всем перед отъездом выдали – синенькая такая карточка, там стереофото мое – ну, все, как полагается, и вот на тебе! Неужто, думаю, посеял? Вот гадости!

Иду я на почту, руками вожу, вздыхаю тяжело – нету, мол, паспорта, тью-тью! Негритяночка мне посочувствовала, конечно, языком поцокала и говорит – тогда несите другой документ. Щас, говорю, моментом! Возвращаюсь в комнату, достая членский билет Питерского Клуба Межпланетников и дую обратно на почту. Вот, говорю, билет. А негритяночка мне из-за стекла: «Хапана, хапана!» По членскому, втолковывает, можно на сумму до 50 рублей, а у вас целых 500! Нужно, вдалбливает, удостоверение личности! Ну что ты будешь делать! Я опять в общагу – искал, искал... Ну все перерыл – нету паспорта! Ну хоть ты тресни! Я на почту. В четвертый раз, – поднял Гирин палец.

¹⁴ Хапана – нет {суахили}.

Габа хихикнул, добровольцы пересмеивались, а те, кто подошел позже, пристраивались к веселящимся и заранее улыбались.

– Ну и вот, – продолжал командир «Боры». – Подхожу – моя негрятючка мне уже улыбается: узнала! Я ей объясняю: м'дами ¹⁵, ну, потерял я этот паспорт, понимаете? А может, и ухитили, не знаю. Войдите, говорю, в положение! Дайте по билету хоть 50! Она опять свое: «Хапана, бвана, хапана!» Подзывает заведующего – седого такого индийца, – он ее выслушал и говорит мне: все, мол, ясно, получите по доверенности. Мзури сана ¹⁶, говорю, мзее ¹⁷, а как это? Те мне объясняли, объясняли, но... то ли я их не понял, то ли они мне чего-то не того наговорили, а только я вернулся в общежитие и постучался к соседу. Слушай, говорю, Мэйсонье, будь другом, выручи! Сходи получи за меня деньги, а то я, раззява, паспорт потерял! Я, говорю, сейчас доверенность накатаю, и тебе по ней выдадут мои денежки. Вырываю лист из тетради и пишу: «Я, Гирин Максим Васильевич, пилот, КДК, Евразия, доверяю Мэйсонье Лассаву, пилоту, ЕКА, Евроамерика, получить за меня денежный перевод на сумму 500 рублей». И подпись.

Габа согнулся от хохота.

– Тебе смешно... – улыбнулся Гирин. – А ты представь, что у меня это в первый раз, вся эта возня с бумажками. Я же в жизни ни с чем таким не сталкивался, пока в Африку не попал. Там же все, как в прошлом веке! И вот, словно дите малое...

А Мэйсонье – такой же балбес, как и я был, иначе помогать не стал бы... Ну, в общем, опять «хапана, хапана», и опять я пошел, солнцем палимый. Надо было, оказывается, чтобы доверенность в отделении КДК подписали и печать шлепнули. Ну что ты будешь делать!

Пришлось плестись аж на Харамбе-авеню, тогда там представительство было. Прихожу – а оно закрыто! Когда откроется, спрашиваю? А после уикэнда, говорят, сразу и приходите! Нет, вы представляете?! Я жрать хочу, сил нет, а они мне – до понедельника! Короче, достаю я свою доверенность и расписываюсь за представителя – была у меня его роспись на пропуске. Это...

– Мы знаем, знаем! – вразноголосицу сказали добровольцы.

– Ага... Расписался я, значит, и печать поставил. На пропуске ведь и печать была – яркая такая, жирная, – я ее послунял и к доверенности приложил...

Гомерический хохот потряс кают-компанию. Габа выпучил глаза и сложился пополам. Широкие плечи его мелко затряслись.

– Чего только с голодухи не придумаешь, – горестно вздохнул Гирин. – А пришел на почту, там один заведующий за стеклом – то ли обед у них, то ли сиеста, не поймешь. Тот только на мою доверенность глянул и вернул. Печать, говорит, яйцом сведена. Все! Тут я сдался. Поплелся обратно. А что тут делать станешь? Перекантуюсь, думаю, как-нибудь до понедельника, у Нзубе займу или у Мэйсонье.

А потом прохожу мимо комендантской, мне и стукни в голову: может, думаю, я коменданту за постельное белье паспорт оставил? В залог? Я ж говорю – там все, как в прошлом веке! То справки этим симфорантам подавай, то паспорт, то квитанции разные... Вот уж точно: «Без бумажки ты – букашка, а с бумажкой – человек!»

Захожу я к коменданту – бритоголовый такой масай – и точно! Вынимает он мой синенький! Я аж затрясся весь! Оставил масаю вместо паспорта билет свой, вышел в коридор и – не поверите! – карточку эту синюю расцеловал! И вот тогда – в седьмой раз! – я только и получил свои кровные. Вот позорище...

– Зато есть что вспомнить, – утешил его Жилин.

– Да уж... – довольно ухмыльнулся Максим. – Это тебе не баран начихал!..

¹⁵ М'дами – мадам, госпожа {суахили}.

¹⁶ Мзури сана – очень хорошо {суахили}.

¹⁷ Мзее – обращение к пожилому человеку {суахили}.

– А вот у нас... – начал Габа с воодушевлением, но договорить ему не дали. Стеклопанная дверь медотсека раздвинулась, и в кают-компанию, повернувшись спиной, выбрался Йенсен.

– Обижаете! – воскликнул он для кого-то в медотсеке. – Конечно, передам! До свидания! – И обернулся к троице: – Заходите!

– А где девчонки? – спросил Жилин. – Что-то я их нигде не найду...

– А где же им еще быть? – сказал Йенсен, радостно улыбаясь. – В скафандровой, конечно! Да вы заходите, не стесняйтесь!

Кнуров и парочка зашли. В медотсеке все сверкало белизной. Матово белели пластмассовые стены, блестяла белая груша киберхирурга под молочным потолком, похрустывали белоснежные халаты громадного старшего врача Клунина и тоненькой девушки-практикантки. Сразу за столом-пультом ждали своих жертв стационарные диагностеры – длинные массивные ящики с герметическими крышками. Тоже белые.

Грузный врач благосклонно посмотрел на вошедших.

– Андрасы, – пророкотал он густым архиерейским басом и неодобрительно уставился на сутулого Антона, облачавшегося у шкафчика. – Как бы богатыри! Да, Ленусик?

– Да, – пискнула Ленусик и зарделась, как маков цвет.

– Что там у нас?.. – громыхнул старший врач, плавно перебирая клавиши на пульте. Компьютер забубнил, услужливо выдавая на экран какую-то врачебную цифирь. – Порядок... Раздевайтесь и ложитесь в любой, какой на вас смотрит.

Диагностеры стояли рядом. Жилин выбрал крайний слева, за коим стыдливо прятался Антон, Стажер явно комплексовал из-за своих узких плеч и тонкой, кадыкастой шеи. Трепыхаясь и вертясь в воздухе, он неловко запихивал ноги в мягкий распах комбинезона, нервно дергая его и подсмывивая.

Рот Жилина сложился в беглой усмешке. Он распустил комбез до самого низу – Ленусик шарахнула паническим взглядом, – выпростал одну ногу, уцепился за поручень, разделся и нырнул в диагностер. Было тепло, как в нагретой постели.

– Как бы расслабьтесь! – грянул врач. – Ноги врозь, руки вдоль тела!

Девушка-практикантка неловко придвинулась, ухватила обеими руками за крышку и, отводя глаза, захлопнула ее. Диагностер басисто загудел. Присоски биодатчиков облепили кожу; мягко, щекочуще, прошлись по ней микрощупы – словно кошка потерялась. Звонко колокольчика – и крышка пошла вверх.

– Можете одеваться, – прогремел голос эскулапа. – Ленусик, сделай доброе дело – включи стерилизацию.

– Сейчас! – пропищала Ленусик. И снова покраснелась.

«Наверное, переживает из-за какой-нибудь ерунды, – подумал Жилин, – из-за голоса или из-за того, что невысокая. Небось считает себя коротышкой-недоростком. Глупенькая...»

– А теперь куда? – спросил он у Гирина. – Макс!

Тот отвел взгляд от миниатюрной практиканточки.

– А?..

– Куда теперь?

– На борт, – спокойно сказал Гирин, скрепляя магнитные застежки на башмаках. – Все уже... Нет, ты погляди, какая лапочка! – произнес он приглушенным голосом.

– «Бе бо женолюбец, яко ж и Соломон!» – процитировал Габа нараспев и заклеил друга: – Маньяк, сразу видно!

Гирин ответил немедленно:

– Сам ты маньяк! Смотри ты на него – нашел маньяка! Котяра хренов...

– Хватит вам ругаться, – благодушно проворчал Жилин. – Габа, что ты к нему пристаешь постоянно?

– Я?! – возмутился Габа. – Да он сам ко мне лезет, афанде! Ты его еще не знаешь просто!

– Ничего – протянул Гирин, – он меня однажды выведет...

– «Я мстю, – съязвил Габа, – и мстя моя страшна!»

Покачивая головой, Жилин попрощался с медиками и направил стопы в скафандровую. Голос Ленусика за его спиной промяукал: «Следующие, пожалуйста!»

Жилин отворил круглый люк и шагнул в отсек без иллюминаторов, но со множеством шкафов и стеллажей. Ну, естественно... Все девушки были здесь. Они оживленно обсуждали фасоны спецкостюмов, прикладывали их к себе, вертелись перед зеркалами, дефилировали и прихорашивались.

– А вам что, особое приглашение нужно? – весело спросил Жилин. – А ну, марш в медотсек!

– Да мы сейчас! – хором заныли девушки. – Мы только померить!

– Мы что, – сказала Марина прекрасным голосочком, – и скафандры будем мерить? Никогда не надевала скафандра...

– Ты мне тут зубки не заговаривай, – сказал Жилин, улыбаясь. – Давай-ка топай...

– Нет, ну правда!

– Будем, – заверил ее Жилин. – И мерить будем, и подгонять. Ну, что ты на меня так смотришь?

Марина одарила его чарующей улыбкой.

– Думаю, что бы такое умное сказать... – проговорила она. – О! А давай я тебе глазки буду строить?!

– Я тебе дам «глазки»! – засмеялся Жилин и сгреб завизжавшую девушку в охапку.

Он вынес Марину в коридор и шлепнул по тугой попке, налаживая в медотсек.

Пересмеиваясь, покачивая крутыми бедрами, девушки проследовали в кают-компанию.

Проснулся и заревел громкоговоритель всеобщего оповещения:

– Внимание! Экипажу «Боры» собраться на борту! Объявляется готовность один! Повторяю...

* * *

Жилин взял Марину за руку своей мозолистой левой, а правую прижал к отпечатку пятерни, выдавленному на терминале регистратора.

Прямо перед Глебом и Мариной, за прозрачным люком, тянулась длинная галерея-переходник. Круглая снаружи, восьмигранная внутри, она метров на двадцать уходила в перспективу, стягиваясь вокруг внешнего люка «Боры».

– Идентификация успешна, – произнес терминал нежным женским голосом. – Доступ разрешен.

Пройдя вакуум-отсек «Боры», Жилин выбрался в кольцевой коридор и повел девушку, огибая выпуклую стену. Их обгоняли, толкаясь и спеша, добровольцы с чемоданами и модными заплечными мешками. Откатывались толстые двери, чмокали люки, цокали и гремели подковки. Удалые добровольцы были очень шумным народом и никак не могли успокоиться, все в них играли гормоны и кипел энтузиазм.

– Четвертый БО, – прочел Жилин. – Наш.

Он отодвинул дверь и заглянул. Чисто. Опрятно. Пусто. Бытовой отсек номер четыре состоял из двух хаюг. В первой, с мягкими стенами кремового цвета, стояли пара кресел и диван, в стене наличествовал шкаф, а под обзорным экраном был выдвинут столик. В маленькой каюте за перегородкой были откинута две койки с широкими эластичными ремнями. Голая функциональность.

Развесив одежду, Глеб с Мариной уселись в кресла и пристегнулись. Жилина сморило. Он потянулся и, с облегчением выдохнув, откинулся на спинку кресла. Лениво смежил веки.

Марина улыбнулась: ей пришел на память лев Кларенс из Серенгети-Цаво, где дядя Саша работал рейнджером-аскари. Кларенс, тот тоже после легкого завтрака (полбака «живого» мяса и тастика витаминизированной воды) делал «потягушечки» и ложился в тенечке – подремать. Однако спал он вполглаза и вполуха: ни одна тень, ни один звук не проходили мимо царственного лентяя. Всегда готовый к отпору, он с легкостью взрывался движениями, и не было среди них ни одного лишнего. Удар его лапы ломал хребет буйволу-мбого...

Глаза девушки задержались на Жилине. Какое у него лицо... Твердое, суровое... Линии рта и подбородка жесткие, тонкий шрам на щеке...

«Мой мачо...» – подумала Марина с нежностью.

...Посмотришь, вроде бы и Глеб, как все мужчины – из мягкого такого, податливого воска, и ты берешься лепить его по-своему. Но пальчики нет-нет да и нащупают под воском прочнейший стержень, этакий костяк жилинской природы – и все! Не смять его, не согнуть. Может, этим и отличен стопроцентный мужчина? Да и так ли уж плохо, если вдуматься, чувствовать себя слабой и ведомой? Неужто ее влечет душа, покорная малейшей женской прихоти?

Как же, знавала она такую «душу», знавала... Биологом он был, что ли? Помнится, клялся ей: «Я всегда буду говорить тебе „Да!“ А она ему сказала... что же она ему ответила тогда? Что-то вроде: „Незачем со всем соглашаться“. „Я всегда буду говорить „Нет!“ – метнулась „душа“. „Противиться – тоже не лучше“, – рассудила она. „Тогда я буду молчать“, – сник он. А она сказала: „Ну, молчать – это и вовсе никуда не годится“. „Так что же мне делать?!“ – возопила бедная «душа». Гордая дева лишь пожала плечами...

– Внимание! – раздался из интеркома напряженный голос Гирина. – Готовность ноль!

Жилин с удовольствием потянулся – до хруста, до приятной ломоты, до звонкого пульса, – положил голову на спинку кресла и сомкнул глаза.

– Отдохни еще, – сказала Марина ласково. – И так весь день на ногах...

Жилин улыбнулся, не раскрывая глаз, и переплел свои пальцы с Мариниными.

– Приготовиться! – огласилась каюта гириным басом. – Старт!

Глава 7

ФОТОННЫЙ ПЛАНЕТОЛЕТ 1-ГО КЛАССА «БОРА»

Антон сходил за багажом и вернулся в БО. Это было сплошное удовольствие – вот так вот спокойно шагать, а не трепыхаться в невесомости. Теперь уже все. Теперь ее сомнительных «утех», действующих на нервы, он не вкусит до самого Марса: корабль вышел на прямую траекторию и двинулся с постоянным ускорением. Ну и слава богу...

Антон запихнул свои вещи под диван и расслабленно бухнулся на губчатую покрывку, привалился к мягкой матовой стенке, раскинув руки и закрыв глаза. Все! Он летит.

Не разжмуриваясь, Антон растянул губы в блаженной улыбке. Нервотрепка последних дней, бесконечные посадки и пересадки, обилие впечатлений – все это страшно утомляло. Из школы – обратно в Ольвиополь. Ну как же! Надо ж было перед Лидой повыхвалиться! Не слишком-то она, правда, и поверила... Мама – та сразу в слезы, а бабушка все норовила ему в чемодан дедушкин парализатор запихать. А беготня только начиналась... Из Ольвиополя – в аэропорт Чаусово. Оттуда в Москву, из Москвы – в Звездный. Комиссия – та тоже нервы помотала. Медавтомат ему и слова не сказал, зато въедливые врачи только что не обнюхивали его генную карту – цеплялись к каждому гену. Что они этим, интересно, доказать хотели? Что «А.М. Родин» и не хомо вовсе, а пришелец из космоса? Какой-нибудь семи-гуманоид? Ну, так это им почти удалось... Из Звездного рысью в Быково, оттуда – до Акмолинска, потом на Байконур. А там отменены рейсы на орбиту! По метеоусловиям. Он в Каракумы, в Мирза-Чарле. А оказалось, ему не туда надо было, а на другой космодром! Он бегом к дежурному по пассажирским перевозкам: куда ему тогда?! На Алатоо?! На Северный полигон?! Нет, разобрался дежурный, вам на Фидониси. Это недалеко, на Черном море. Там рядом лежат два острова – один всамделишный, другой искусственный. Вот как раз на нем и находится космодром. Он туда...

Носишься, носишься, как посоленный, – занимаешь очередь, оформляешь багаж, взвешиваешься... Бегаешь, бегаешь, ищешь эту регистратуру, пока найдешь, там опять очередь... Он так переволновался, что, когда сел в стратолет до Фидониси, сразу вырубился. Хоть полчаса поспал по-человечески. Хорошо, сосед разбудил – уже пролетали Кавказ. Он спросонья вытарачился в иллюминатор, а там все синее синего, как в сумерки. А где космодром? Скоро уже, успокоил сосед, ерунда осталась. О, уже тормозим...

Навалилось так много интересного, нового, необычного, что даже голова заболела. Пассажирский терминал помнился плохо, одно накладывалось на другое. Стеклитые потолки... нависавшие друг над другом ярусы... молочные параболические контрфорсы... Под котельным сводом огромного зала ожидания с фонтанами и пальмами толкалась масса однопланетников – отлетающих и прилетающих, встречающих и провожающих. Цокот каблучков и шорох комбинезонов, удары гонга и говор репродукторов, и поцелуи, и вздохи, и бас, и тенор, и фальцет – все мешалось и наполнило купол многоголосым эхо.

Антон вспомнил, как покинул терминал и вышел на косу-перешеек. И слева и справа сверкал, искрился, отливал разгулистой влагой Понт Эвксинский. И там, и там догоняли друг дружку волны. Отороченные пеной, скатывались в обливные валики и шумно падали на белый песок. Только пляж по правую руку был вогнут, а по левую – выпукл, на одном тянулись пирсы с качающимися яхточками и парой больших катеров, а другой был истыкан яркими зонтиками и уставлен шезлонгами. Две девушки, совсем еще молоденькие, вероятно, тутошние школьницы, перебрасывались надувным красно-белым мячом. Бледнотелый бородач, опустив на глаза выгоревшую шляпу, дремал на огромном выцветшем полотенце. Мальчик лет пяти, без трусиков, но в панамке, сосредоточенно ваял нетленку из мокрого песка. Между пляжами

изгибалась узкая дорога и вразбивку росли кипарисы, полосатя песок зыбкими тенями и чем дальше, тем кучнее сбиваясь в чашу, из-за которой блестели стеклянные крыши. Из подъезда дома, сквозящего через заросли, вышел дядька в белых брюках, в свободной рубашке и соломенной шляпе, и поспешил к морю, разоблачаясь на ходу. Девушки хором поприветствовали его, дядька – вероятно, тутошний учитель – махнул им рукой, совлек штаны, прыгая на одной ноге, и ринулся в воду.

Антон повернул голову к космодрому. Слабый гром грянул оттуда, покатился, дробясь на бесчисленные затухающие эхо. В небо всплыла мерцающая оранжевая звездочка, распуская за собой мощный ионизированный хвост. Потом он перевел взгляд на девушек: розанчики!

У него как-то в голове не укладывалась эта ласкающая взгляд сопредельность. Вот же он, космодром высшего класса, рядом совсем! А тут – песочек, мячик, девочки, вдохновенное дитя, похрапывающая борода... Не вязалось все это с планетолетами и фотонными приводами, со стартами и финишами, вообще с космосом не вязалось.

Басистый гудок оборотил его к Понту. Совсем близко перла громада патрульного катамарана класса «Генерал Корнилов». Катамаран шел, едва касаясь волн, вода бешено бурлила и клокотала между скегов, а за кормой клубилась, оседающая и растекаясь, гряда взбитой пены. На высоких решетчатых конусах мачт серебрились шары гипноиндукторов, густо утыканные длинными блестящими иглами, спектролитовые колпаки целого выводка дископланов, выстроившихся на носовой взлетной палубе, нестерпимо сверкали на солнце.

Могучей, сдержанной силой веяло от грозного корабля. Внезапно облако водяной пыли у него в кильватере раздалось, вспыхнуло вихрями брызг, и в ореоле радуги выплыл еще один хOVERкрафт¹⁸, уже не хищных, а пышно-округлых очертаний. Купец-сухогруз. Плавно перелетев искусственные рифы, судно с ходу выбросилось на берег в сторонке от яхт и осело – расправляя юбку, умиротворенно глуша турбины, расплылось, широкое и плоское, как плот. Медленно, со значением, растворило зевы лацпортов.

Авторазгрузчики только и ждали этого. Рукастые и ногастые, они ринулись толпой к сходням, как пчелы к леткам...

... Уже совсем стемнело, когда он приплелся к посадочному модулю. В лучах осветителей корабля выделялись особенно рельефно. Чаши антенн сверкали, как паутина в росе. Мутно отсвечивали серые стены МИКа¹⁹, по ним пробежали четкие полосы теней, ложилась, трепеща и вытягиваясь, ажурная сетка.

Белые огни телефотеров на мачтах и голубые лучи прожекторов не могли, как ни старались, осветить всю равнину риф-флета²⁰ и выхватывали из темноты лишь отдельные куски напряженной космодромной жизни. Зато это была настоящая ночная жизнь – работа, а не гулянка. Здесь даже прожекторные «зайчики» прыгали с места на место не просто так, а строго по порядку, четко отслеживая график подготовки кораблей к пуску...

Антон заулыбался, вспоминая. Все напряжение последних дней, все томления и страхи разом схлынули с души, очищая ее для радости. «Я! Сейчас! Лечу! – билось в голове. – На корабле! На настоящем!» Маленькое счастье развернулось в Антоне, разыграло, сжимаясь и трепеща, запенилось горячей волной.

Ойканье за дверью и смех развеяли воспоминания. Антон подскочил, треснулся головой о нависающую койку и зашипел от боли. «Чего ты такой дерганый стал?» – сердито спросил он себя и потер бритую макушку. В дверь коротко постучали.

¹⁸ Ховеркрафт – судно на воздушной подушке.

¹⁹ МИК – монтажно-испытательный корпус.

²⁰ Риф-флет (или рифовая платформа) – вершина кораллового атолла.

– Можно? – просунулась прелестная девичья головка. Пышные золотистые волосы обрамляли суживающееся к заостренному подбородку лицо. Синие, с длинным разрезом глаза обежали каюту и вновь остановились на Антоне.

– Конечно! – опомнился Антон. – Заходите!

Блондинка распахнула дверь пошире и зашла. За нею в БО прошествовала смуглая девушка восточного типа. Очень красивая.

– Гунилла, – присела в церемонном книксене блондинка, но не удержалась – засмеялась. Антон отметил ее пленительный грудной голосок.

– Яэль, – коротко назвалась восточная красавица.

– Антон, – галантно привстал стажер, благоразумно склоняя голову. Девушки кивнули и чопорно присели на свободный диванчик, а Антон растерялся. Он не знал, о чем с ними говорить. Перед ним сидели не просто две красивые девушки, с которыми можно поболтать ни о чем, поделиться, «помочить корки». Короче, «пообщаться». Гунилла и Яэль были добровольцами, девушками с образованием, работницами. А о чем говорят с представительницами высшего общества? Чем дальше, тем глупее Антон чувствовал себя.

Неизвестно, сколько бы он так просидел, но тут в дверь опять постучали, и на пороге нарисовался третий его попутчик – Виджай Гупта, собственной персоной.

– Здравствуйте, девушки! – Виджай картинно поклонился.

– Приветик! – помахали ему девушки.

Светски улыбаясь, Гупта вошел, задвинул дверь и примостился рядом с Антоном.

– Давайте знакомиться, – бойко заговорил он. – Вы – Яэль, я угадал?

– Угадал... ли, – неласково усмехнулась Яэль.

– Может, перейдем на «ты»? – предложил Гупта.

– Давай, – согласилась Гунилла и закинула ногу на ногу. – Тебя Виджей зовут?

– Виджай, – поправил ее Гупта.

– Ой, извини! А я – Гунилла, а он вот Антон.

Антону стало приятно.

– А чего вы не включите экран? – живо поинтересовался Гупта. – Луна ж скоро!

– Ой, а я и забыла! – Гунилла коснулась сенсора.

Луна крупным планом еле влезла в обзорный экран. Зубчатые тени кратеров передвигались по ее трещиноватому, дыроватому, битому-перебитому шару.

– Здоровущая какая! – заахала Гунилла.

– Мог бы и раньше сказать, – с досадливой гримаской сказала Яэль.

Вздыбленная скалами, густо усеянная кратерами, кратерочками и кратерными ямками, Луна плавно проворачивалась под «Борой», грея на Солнце бок с Морем Дождей. По разлету светлых лучей Антон узнал кратер Коперник. Значит, эти два – Эратосфен и Тимохарис, а это – Платон (словно кругляш черной земли проглянул из-под снега). А вот, четкий такой, разруб Альпийской Долины...

– Луна-Главная! – авторитетно заявил Гупта, перегибаясь и тыча пальцем в иззубренные края Архимеда. – Здесь вот, на внешнем скате, где сейчас тень.

– Все-то ты знаешь, – сузила глаза Яэль.

– Ну, так... – неопределенно выразился Гупта.

– А кто мне скажет, – оживилась Гунилла, – что это за девушка с мастером? Марина, кажется?

– Подруга, наверное, – предположил Виджай.

Антон заерзал. Гупта переставал ему нравиться.

– Нет, – словно нехотя, молвила Яэль. Она завела руки, собирая пышные волосы, и тонкая ткань рельефно обтянула большие круглые груди – так, что проступили соски. Антон стыдливо потупился.

– Невеста? – полюбопытничала Гунилла.
– Скорее всего, – проговорила Яэль, будто пересиливая себя.
– Да-а... – глубокомысленно затянул Виджай. – У шефа и прям губа не дура...
Яэль сверкнула на него глазами, но промолчала.
– А ты на каком курсе, стажер? – переключился Гупта на Антона.
– Ни на каком, – буркнул тот.
– А-а... – по-своему понял Гупта. – А что кончал?
– Ничего. Я нигде не учился, сахиб (Гунилла фыркнула). Буду поступать на 30. Не женат.
Пока. Вредных привычек не имею. Уже. Правда, бывает, играю в покер, но не на деньги, а только на раздевание.

Не глядя на опешившего Гупту, Антон вытянул ноги и случайно коснулся щиколотки Яэль.

– Кстати, насчет раздевания, – промолвила та насмешливо (Антон отдернул ногу). – Выйдите, мальчики, на минутку. Нам с Гуниллой надо переодеться.

– Не вопрос! – с готовностью вскочил Гупта. Загудела задетая полка.

– Осторожнее! – воскликнула Гунилла. – Так же и голову разбить можно!

«Так тебе и надо!» – мстительно подумал Антон. Он пропустил впереди себя кряхтящего Гупту и вышел сам.

– Какие девчонки! – простонал Виджай и осторожно потрогал темя. – Глазов не отвести!

– Глаз, – буркнул Антон.

– Я... что?

– Глаз, а не глазов.

– А-а... Ты с какой будешь? – быстро спросил Гупта. – Чур, я с Гуниллой!

– Да ну? – сказал Антон с издевкой. – А вдруг она не согласится?

– Ну прям! – уверенно сказал Гупта. – Согласится. Я буду само обаяние!

– Все! – прокричала Гунилла из-за двери. – Можете заходить!

В каюте стало совсем по-домашнему: столик был застлан бахромчатой салфеткой, на нее девчонки поставили две пластмассовые груши с магнитными ободками вокруг доньшка и прозрачный термос. Обе прелестницы сидели рядышком – голоногие, в уютных, пушистых халатиках, и о чем-то шушукались.

– Надеюсь, вы нам уступите нижние места? – сказала Гунилла просительно.

– Не вопрос! – воскликнул Гупта.

Антон молча скинул ботинки с рубчатými магнитными подковками, подтянулся и улегся на откидную койку.

– Да я ж не сейчас имела в виду, – виновато запротестовала Гунилла.

– Да я так просто, – сказал Антон, умащиваясь, – полежу маленько.

Его открытая улыбка успокоила Гуниллину совесть, и девушка улыбнулась в ответ. Антону она напомнила Лиду – как он, еще той зимой, приехал на хутор пана Мазуренко проводить ее...

Хутор был словно в черно-белом изображении – белый снег, хаты из белого пластолита, черная наблюдательная башня. Только небо было серое.

...Она сидела в уголке дивана, он – посередине; за окном было темно, в комнате тоже. Он смотрел на Лиду, она – на расческу. Потом она устроилась поудобней – положила голову на валик. Говорила, что не хочет уезжать, что разленилась за каникулы... Он коснулся ее волос – они были такие мягкие, такие легкие, такие ЕЕ... Она сказала: «Не надо...» и стала мучить расческу.

А он так хотел, чтобы что-то наконец изменилось, чтобы она придвинулась ближе к нему, он помог бы ей подсесть еще ближе, обнял бы легонько, она бы доверчиво положила голову на его плечо. Волосы щекотали бы ему щеку... он очень хотел этого тогда.

К утру все растаяло – и снег, и ожидания. Лида была красивее себя. Все ей шло – и шапочка, и шубка. Даже такая мелочь, как перчатки, даже чемоданы ей шли...

Снизу донеслось хихиканье и громкий шепот:

– Тише ты, Антона разбудишь... Видишь – устал человек...

– Ой, а сама-то! Чего вот мучила?

– Я?!

– А кто же?! Развопилась! Уй-я! Я тебе сейчас пощипаюсь! Больно же!

– Да я несильно!

– Ага, несильно! Теперь синяк будет.

– Вот ведь вредная!

– Сама вредная... Учи вон лучше... «Двухфазная кислородная установка позволяет...»

А на рисунке что?

– «Кис-ло-родный обогатитель».

– Так это то же самое или другое что?

– А ты где читаешь? Ты же не там читаешь!

– Здравсте!

– Привет! Вот – АГК-7. А ты куда забралась? АГК-9!

– А-а...

– Бэ-э!

Антон длинно вздохнул, перевернулся на бок и закрыл глаза.

Глава 8

ЛУНА, КРАТЕР АРХИМЕДА, БАЗА «ЛУНА-ГЛАВНАЯ»

Локи медитировал. Он сидел в саду отдыха, плотно закрыв змеиные глаза, и созерцал незримое. В его воображении рождались образы, не отличимые от яви – вприглядку, на ощупь неотличимые. Нафантазив океан, Локи ощущал порывы ветра, волглого, напитанного солью, слышал перекаты волн и скорбные вопли чаек. Он зримо и явственно представлял горячий, шершавый камень строящейся пирамиды или гнилостный запах дуриана, перебивавшего изысканный вкус «короля фруктов». Хомо супер мог шататься по стильным коридорам средневекового монастыря, чувствуя, как зудит кожа под грубошерстной рясой, или пронизывать Глубокий Космос, где справа разметало туманность светящегося газа, а далеко слева висит спиралька галактики М-31... Скучно Локи не было. Кто-то сердобольный мог его и пожалеть – за абсолютное одиночество, но сам супер был чужд и скуки, и жалости, и одиночества. Все эти чувствования он приписывал человеческой природе, двуполой, а оттого обреченной на разлад, на борьбу двух начал, на вечные сомнения и поиски компромисса. Природное, биологическое, перевешивает в людях разумное. Если мужчина ощущает себя одиноким, значит, ему нужна женщина. А женщина тоже не хочет, не может, да и не должна быть одной. Ей требуется пара, она нуждается в мужчине. Секс у людей – в начале всего, он – фундамент всех культур, именно от двуполости проистекает человеческий иррационализм. Локи помнил, как ему стало дурно при виде тысячной толпы, бьющей поклоны богу. Экце хомо! Тот самый хомо, что сравнивал себя со Вселенной, впадал в неразумие, самозабвенно отдавался в рабство верховному существу, этому плоду страхов и лениности человеческого ума, и кротко признавал собственную ничтожность!

Идея бога... Да, это была величайшая из идей! Она давала ответы на все вопросы, совершенно ничего не объясняя. Величайшая обманка!

Только человечье разумение, основанное на разделении полов, и оттого двойственное, то есть тождественное безумию, могло дойти до признания абсолюта и сверхестества чем-то сущим и явленным. Хотя бы «во облацех».

Божественность, судьба, душа – эти абстракции толкуются каждым из хомо по-своему. Но даже здоровый атеизм, признающий человека материальной частью материального мира, извращен людьми – по их склонности к утверждению парности – до признания безбожия простой противоположностью религии. Вера – безверие, бог – дьявол, хороший – плохой. Таким вот, болезненно расщепленным, предстает мир в людском понимании. А мир един.

Склонность к любви, склонность к нежности, склонность к жалости... Гормональные протечки, мутящие чистый разум. Какая гадость...

Для Локи, бесполого гиганта духа, не было тайн в эмоциональной сфере мужчин и женщин, он знал и понимал людей. Люди были настолько предсказуемы, так легко поддавались управлению, что Локи давно растерял минимум уважения к этим существам, будто смеха ради мнящих себя разумными. О какой разумности можно вести речь, если все, что им нужно, – это оргазм и корм!

А уж эти их потешные поиски смысла жизни! Ну как можно было найти хоть какую-то осмысленность в их скоротечном существовании?! Сто лет – не срок, это всего лишь отсрочка смерти. Жили бы они годков эдак по шестьсот, тогда другое дело. А так...

Локи открыл глаза. Щелки зрачков то сужались, то раздвигались черными семечками. Только что он взял мысль Тхакура Сингха, окопавшегося где-то на Марсе. Отличный результат для ридера!

«Локи, – взывал главарь Боевой Группы, – мы готовы!»

«Хвалю, – коротко ответил Локи. – Действуем следующим образом: я насылаю исполнителей на военный космодром, и мы угоняем парочку десантных ботов. Плюс те, что ты увел с Цереры... Этого должно хватить...»

«Какая у меня задача?» – поинтересовался Тхакур Сингх.

«Не перебивай, – холодно подумал Локи. – Твоя задача – захватить станцию А-2, это та из СВЧ-антенн, которая прогревает северную полярную шапку. Смотри не перепутай! Как только Спу окажется в твоих руках, сразу переводи ее на другую орбиту. Надо, чтобы мазеры работали по экваториальной зоне Марса. Понял?»

«Да! Да!»

«Запоминай цели: евразийские базы „Большой Сырт“ и „Маринер“, евроамериканская „Порт-Лоуэлл“. В таком вот порядке... И еще: без моего приказа лучевую атаку не начинать! Ты все понял? В твоём распоряжении два-три дня. Приступай...»

«Будет исполнено!»

Локи скривил в улыбке безгубый рот: какое рвение! Он покинул сад отдыха и спустился в Центральный коридор базы, похожий на длиннющую станцию метро. Былолюдно, но Локи никто не замечал – могучее биополе скрывало его, словно волшебная мантия-невидимка. Он вспомнил фазу роста (люди сказали бы – «детство») и свою основу – Рудольфа Эфроимсона. Занятный был человечек. «Папуля»... Рулле клонировал вариант хомо супера, апгрейд «человека разумного», полное собрание изобретений в сфере практической евгеники. Эфроимсон мечтал о белокуром супермене нордического типа, но что-то не пошло в эксперименте, и Локи был запущен в существование низкорослым уродцем с огромными размерами головы и ног. Рудольф так и называл его – «мой головоногий»...

Локи помнил все, отчетливо и резко, и мог прокручивать в воображении каждую секунду прошедшего бытия. Но что было прокручивать? Первые четырнадцать лет сливались в серую, смутную череду будней. Подъем, завтрак, опыты, обед, прогулка, опыты, ужин, отбой. Вечный понедельник, дождливый, промозглый и тоскливый до воя.

Локи числился экспериментальным образцом лаборатории «Зэт» в секретном институте, запрятанном на окраине Наровы. Четырнадцать лет подряд у Локи было одно-единственное увеселение – он убежал на чердак главного здания и оттуда, через крохотное окошко, разглядывал правый берег реки, где поднимались башни Ивангорода и начиналась территория Евразии. Видно было плохо – высоченный забор загораживал пейзаж. В солнечные дни верх стены блестел битым стеклом, ночью фонарики охранников высвечивали тугие скрутки колючей проволоки... Тюрьма на одного зэка, из которой нельзя сбежать. И все же Локи сбежал.

На пятнадцатый год у него развилась сильнейшая ридерпотенция. Психодинамическое поле было таким мощным, что горели датчики. И Локи стал развлекаться – выходил на балкон, к примеру, и заставлял охранников маршировать по аллее, отдавая ему честь. Или стравливал собак... А злая сила в нем все росла и росла. Однажды Локи проснулся от зуда в голове. Он раздирает кожу ногтями, пытаясь дочесаться, но все прошло само собой. А в нем выросло нечто новое. Локи приказал Рудольфу провести глубокое ментоскопирование, и «папуля» выяснил невероятное – его «головоногий» стал психократом! Локи обрел способность «кодировать свой комплекс физиологических нейронных состояний на чужие комплексы физиологических функционирующих нейронов в нуль-состояниях». Попросту говоря, Локи теперь мог подсаживать упрощенную копию своей личности на живые мозги других людей. Это вам не гипноз какой-нибудь! Человек с подменной личностью навсегда становился преданнейшим рабом Локи, готовым на любое преступление во имя Хозяина.

В тот же день Локи поменял личности у всех охранников секретного «ящика», и у него появились свои преторианцы. Лейб-гвардия. СС. Исполнители. Локи присвоил им номера –

от Первого до Двадцать четвертого в Первом разряде. Потом приказал переодеться в черное и исполнить приказ, гласящий: все ученые и администраторы на территории «ящика» должны быть уничтожены. Все, кроме Рулле Эфроимсона. Этого Локи убил лично. И ушел.

Газеты взорвались сенсационным эксклюзивом, смакуя на все лады подробности евригенического проекта и хором ругая официальные круги. Рудольфа Эфроимсона сравнивали с Виктором Франкенштейном, а Локи отождествляли с чудовищем-жертвой, жалели даже. Позже, когда Локи развернул пурпурные знамена и принялся методично истреблять ученых, инженеров, студентов и профессоров, тональность статей переменилась, но то было после...

Локи отшлюзовался с целым разрядом исполнителей и вывел их на лунную поверхность. Секьюрити будто и не заметили никого – психократ «отвел» глаза стражам порядка.

База стояла на внешнем скате Архимеда, и видать было далеко. Роскошный пейзаж! Залитый Солнцем зубчатый хребет кратера резко вырисовывался на черном небосклоне позади пологих куполов «Луны-Главной», а впереди стлалась волнистая равнина, усеянная обломками и плитами базальта. Угольные тени и ослепительные грани скал мельтешили в хаотическом смешении. В небесах, на бархатном фоне тьмы, круглилась Земля, похожая на шар, выточенный из бело-синего мрамора.

Вниз по скату петляла дорога, скорее даже тракт – наезженная полоса реголита, очищенная как от крупных глыб, так и от каменного крошева. По ней пылил трактор на восьми шарах-колесах, с герметичной кабиной и с десятком прицепов, груженных ископаемым льдом.

Локи указал в сторону танков-транспортёров, неровным строем стоявших на металлопластовом квадрате паркинга, и коротко скомандовал:

– Грузимся!

Десентиментализованные исполнители молча полезли по машинам. Со стороны никто бы, наверное, не заметил чего-либо странного – просто большая группа людей в скафандрах занимала места в танках. Мало ли, может, это добровольцы из проекта «Луна-2» в поход собрались! Или космодромная команда на смену едет...

Танки тронулись и покатались под уклон, глухо рокоча гусеницами. Горизонт приблизился, но ненамного. А потом из-за этой воображаемой линии показались сетчатые тарелки антенн – вторичные признаки космодрома.

Танки обогнули нагромождение порфировых скал и выехали на поле, где бликовал в свете Земли одинокий продовольственный танкер, раскорячивший лапы опор. Локи проигнорировал этот корабль – тихоходный и незащищенный, танкер не годился для нападений.

– Налево! – не мысленно, а голосом скомандовал Локи.

Подвывая моторами, танки свернули к маленькому военному космодрому, где глыбились два десантных бота класса «Водан» – полусферические купола с кольцевым выступом основания. Носовая и кормовая ПМП, три пакетных лазера-гигаваттника, двадцать комплектов бронескафандров плюс противолучевая защита из двух слоев мезовещества. Совсем другое дело!

– Выходим!

Молчаливые и бесстрастные, больше похожие на биороботов-андроидов, чем на живых людей, исполнители покинули танки.

– Четные номера берут «Водан-1»! Нечетные – «Водан-2»! Исполнители разделились и пошажали к ботам. Локи неторопливо топал позади подпрыгивавших фигур в черных автономных комплектах. Он старался идти так, чтобы боты оставались на равном от него удалении – так было легче держать в повиновении вахтенных офицеров. На вахту заступили по двое молоденьких выпускников ВШК в черной с серебром форме космопехоты. Попав в биополе психократа, офицерики не оказали сопротивления.

– Вахтенных уничтожить!

Исполнители послушно вынесли четырех космопехов наружу. Минуты две молодые организмы еще держались, а затем кровь вскипела и брызнула изо всех пор. Но недолго кипела бурая жижица – замерзла леденеющими струйками-палочками.

– Все на борт! Приготовиться к старту!

Исполнители, поднявшиеся на борт последними, заблокировали люки, а ровно через четыре минуты – норматив ВКС! – в лунную пыль ударили прозрачные струи водорода из планетарников. Купола ботов поднялись на столбах горячего муара, блеснули в вышине, попав под лучи Солнца, и пропали, затерялись среди звездного свечения.

Глава 9

Планетолет помаленьку готовился к развороту, и добровольцы «вышли на субботник» – надо было помочь экипажу «Боры» закрепить все, что невесомость при выключенном двигателе поднимет в воздух, а вновь наступившая гравитация грохнет об пол. Антону и Виджаю достался вакуум-отсек. Это было близко от жилых отсеков. Антон прошел половину кольцевого коридора и откатил тяжелую дверь. Вакуум-отсек был большой серой комнатой, где вдоль стен темнели стеклянные шторы боксов с пустолазными скафандрами. Надо было эти шторы поднять, перевести крепления каждого скафандра в аварийное положение и закрыть боксы.

Закрепляя первый вакуум-скафандр, Гупта сказал:

– Слышь, Антон, ты не мог бы завтра... ну, скажем, до одиннадцати... нет, лучше до двенадцати... э-э... погулять где-нибудь? Я встречаюсь с девушкой и... ну, ты ж понимаешь...

– Ладно... – пожал плечами Антон. – А Яэль?

– А с девчонками я уже договорился! Яэль меня поняла, а у Гуниллы у самой свидание.

– Так ты не с ней встречаешься? – удивился Антон. Он ошупью нашел стеклянную штору бокса и поднял ее. В боксе вспыхнул сильный голубоватый свет, заблестел огромный с раскинутыми рукавами скафандр. – Я думал...

– Петух тоже думал, – несколько раздраженно сказал Гупта, – да в суп попал. Я почему-то считал Гуниллу глупенькой очаровашкой, но это она так притворялась. На самом-то деле она умница, и еще какая...

Виджай записал в бокс вакуум-скафандр и опустил штору.

– Так что ничего у меня с ней не вышло...

– Понятно... – протянул Антон. Неудача Гупты почему-то порадовала его. Он уложил скафандр и взялся за штору. – А с кем же тогда у тебя свидание? Или это секрет?

– Да какой там секрет... С Леной.

– Это с какой Леной? – силился вспомнить Антон. – С Румянцевой?

– С Ленусиком! Хочет стать врачом-профилактиком. Я ей и говорю – ты сначала на мне потренируйся!

– Ага... – изрек Антон и закрыл наконец штору. – И что она в тебе нашла?..

Виджай самодовольно ухмыльнулся.

– Тут, понимаешь... – закрутил он пальцами, – дело тонкое. Духовная эманация, понимаешь... Психодинамический резонанс!

– Да иди ты со своим резонансом! Тоже мне, нашелся резонатор! Ладно, я тогда в библиотеке позанимаюсь, мне и так готовиться надо.

К себе Антон даже не стал заходить – все равно девчонок на месте нет, а сиднем сидеть его не тянуло. Тем более что все уже привыкли собираться или в кают-компании, или в БО у Жилина. Сперва Антон заглянул в кают-компанию. Кроме Габы и Гирина, там никого не было. Командир корабля со штурманом сидели у самовара и дули чай с кексами.

– Заходи, стажер! – сделал Габа широкий жест. – Чаю хочешь? Еще и кексы остались!

– Он их еще не все съел, – объяснил раскрасневшийся Гирин.

– Да кто б еще говорил... – обиженно протянул Габа. – Садись, стажер!

– Спасибо, – сказал стажер и присоединился к теплой компании.

– «Чай не пил – какая сила? – прогудел Гирин, подливая в огромную чашку. – Чай попил – совсем ослаб...» Тебе как – покрепче, послабже?

– Да я сам... – слабо запротестовал Антон, но Гирин отклонил протест.

– Ты мне лучше скажи, Антон, – строго заговорил командир, – и чего это твоя Гунилла такая вредная стала?

– Моя? – растерялся Антон.

– Ну ее ж к тебе подселили? Вот! Ее и... Лилит эту. В смысле, Яэль. Да один черт! Обе они одинаковые, что Яэль, что Лилит...

– Да что ты к нему привязался? – сказал Габа, отдуваясь. – Он-то тут при чем?

– Как это – при чем? – удивился Гирин и сказал убежденно: – Очень даже при чем! Пусть повлияет на Гуниллу! Она... – Гирин быстро обернулся на люк в рубку и приблизил лицо к заинтригованному Антону. – Мой Митрич в эту фрекен влюбился! Втрескался, как мальчик! Назначает ей свидание, а она ему: «Не приходи! Мне нравится другой!»

– Да перестань ты, – сказал Габа снисходительно, – девки, они и есть девки, у них всегда одно на уме... Молодые, красивые, в голове вакуум... Да они просто не замечают никого, мы для них прозрачны, а «взор окупен в даль прекрасну!» Дурные они еще.

– Нет, какой был возраст! – погрузился Гирин, возводя очи горе. – Только и разговору было – у кого с кем роман. И когда только учиться успевали?..

Нетерпеливо запиликал интерком.

– Макс! – сипло воззвал Громыко. – Смени меня на контроле отражателя! Перекушу хоть... А то поворот скоро.

– Пошлите! – подхватился Габа.

– Не «пошлите», а «пойдемте», – басом отозвался Гирин, тоже покидая кресло. – Когда ж ты язык выучишь, нерусь?

– А сам-то! – презрительно фыркнул Габа и с проворством шмыгнул в люк.

– Я уберу, – вставил Антон.

– Ага, – кивнул Гирин обрадованно, – тогда я побежал!

Командир пролез в рубку, а стажер открыл крышку в середине стола и спровадил остатки кекса и грязную посуду в мусоропровод.

«Пойдем поищем остальных» – сказал Антон сам себе.

Ноги сами принесли его к просторной каюте Жилина. Как всегда, она была полна народу. Добровольцев набилось, как селедок в банке. Кто-то бубнил:

– Смысл жизни – в самой жизни. Живем – и ладно. А то смысл, не смысл...

– Жить – хорошо!

– Процесс ради процесса! Чтоб ты еще сказал!

– Правильно!

– А тебе лишь бы поспорить, Пракеш! Вот натура!

– Так ведь важен не сам процесс, а его результат! Какой у жизни результат может быть?

– Как какой? Новая жизнь!

– Правильно!

– Глеб Петрович, а как по-вашему, в чем смысл жития?

– Плодиться и размножаться, – последовал ответ.

– Ну-у, это как-то примитивно... Слишком уж естественно!

– А с чего ты взял, что природа делает нам скидку на разум? Ей все равно – червь ты или человек, лишь бы вид сохранялся.

– Ну, не знаю... Тогда зачем разум? Для этого и инстинкта довольно...

– Это на биологически активной планете, Володя. Мы таких знаем с десятков, да и то – предположительно, а всего известных нам планет наберется... тыщ десять, где-то так. Их-то кому заселять? Кому-то на ракетах... Согласись!

– Правильно!

– Прямо как мы! А что? Луну и ту, на что уж мертвый мир, а заселили же! Теперь вот Марс...

– Потом Венеру!

Антон втиснулся в толпу и пролез поближе.

– Привет, Антон! – сказал сухощавый Сугорин.

– Привет, – ответил Родин, и ему стало неловко. Он постоянно встречался с Сугориним – то в кают-компании, то просто в коридоре, здоровался с ним, а как того зовут – не знал. Спросить же стеснялся – что тот о нем подумает?

– Превратить Марс во вторую Землю... – продолжал Сугорин, – Разве плохо?

– А что хорошего? – неожиданно для себя высказался Антон и прикусил язык. Но все уже обернулись к нему. Вышедшая из второй комнаты Марина остановилась и сложила руки под грудь.

– Это что-то новенькое! – развеселилась она.

– Да нет, – заторопился Антон, боясь, что не успеет объяснить, – генерация атмосферы, колонизация – это все хорошо, так и надо! Но зачем на Марсе яблоням цвести? Ума не приложу! Зачем завозить туда зверюг с Земли? Это ж копия получится – и куда хуже оригинала! Ты вот говоришь – Вторая Земля. А по-моему, должен быть второй Марс!

Марина, поглядывая на Антона, пробралась к Жилину, прижалась к его спине и обняла за плечи. Крепкая мозолистая ладонь Глеба извечно мужским жестом прикрыла маленькую Маринину ладошку.

– А знаешь, Игорь, – сказал он Сугорину («Игорь! – обрадовался Антон. – Буду знать!»), – Антон в чем-то прав. Ты вот бывал на Луне? Я там работал и знаю, что луняне, как это ни странно, недолюбливают оранжереи и вообще земные растения. Тем более – всякую живность. И я их хорошо понимаю – для Луны флора противоестественна и считается чуть ли не извращением. А что до Марса... Этой планете надо дать шанс. Не насаживать яблони и елки, а расплодить свое – те же марсианские кактусы или марсианский саксаул. Сначала группками, рошицами, потом и лесочками.

– Еще древолисты есть! И марсианская колючка!

– Конечно, Марс – биологически пассивная планета, но, с другой-то стороны, он же почти не исследован, сплошная terra incognita и hic sunt leones...

Польщенный Антон победоносно глянул на примолкшего Сугорина.

– Правильно! – постановили в толпе.

– Да! – сказал с живостью коварный Сугорин. – Все хотел спросить... Это правда, что вы как-то киберам стампиду устроили?

– Все-то ты знаешь... – усмехнулся Жилин. – Правда.

– А расскажете?

– Да поздно уже, разворот вот-вот начнется... И Макс еще просил киберштурманом заняться... Потом как-нибудь.

– Расскажите! – заныли в толпе. – Все равно еще не объявляли!

– Вот пристали... – проворчал Жилин и начал с неохотой: – Ну, что там рассказывать? Случилось это в 73-м. Я тогда еще в поручиках ходил. Как раз был в отпуске и решил не сидеть зря, а подработать – и отдохнуть заодно. И махнул в Африку, в район Нью-Серенгети – я и еще человек пятнадцать дипломников из Новосибирска, ну, из института экспериментальной кибернетики. В саванне как раз начинали строить микропогодные станции, чтобы больше не горела... Ох и радости было! Ну, вы представьте – студиозусы и вдруг остаются посреди дикой Африки! Настоящие баобабы вокруг, «жирафьи зонтики» акаций, слоны, львы, носороги! Два месяца пролетели, как один день.

И вот под самый конец отпуска – все уже сидели на чемоданах – ко мне в тент вбегает Ивэн Нканата, староста, и кричит: «Ндегге мкубва! Ндегге мкубва! ²¹» Я выскакиваю – с запада приближаются три громадных шестивинтовых геликоптера...

– Сентябрьская война, – проронил Сугорин.

²¹ Ндегге мкубва – большие вертолеты (суахили).

– Да. А мы-то не знали! Мы все думали, это за нами! Помню, еще удивлялись – зачем целых три, нам бы и одного за глаза хватило... Ну и вот, вертолеты садятся – лопасти еще крутятся, свиристят, пыль столбом, а аппарели уже откидываются, и по ним сбегает черные, бритоголовые, пятнистые, наглые, сбегает и клацают автоматами, бегом окружают вертушки, берут нас на прицел, орут, командуют, скалятся, палят поверх голов...

Тут только до нас и дошло. Нканата мне шепчет: «Это интернацисты, понял? „Солнцеподобный“ Мбуви стал на тропу войны!» Я, говорю, и сам вижу, да что толку? Мы же все честные да благодетельные, блюдем закон: если военные действия вести, то исключительно гуманные, а оружие применять исключительно несмертельное. Господи, да у нас на весь лагерь было то ли пять, то ли шесть парализаторов, мы их с собой брали, когда в ночную шли – гиен усыплять или там леопардов. А у этих – старые «абаканы», и начхать они хотели на закон о военной технике! Короче, влипли мы. Берут нас интеры в заложники, и гонят, и прикладами поддают. Я сначала смыться хотел – скроюсь, думаю, а вечером выпущу наших. А потом, смотрю, нас в ангар загоняют, где мои киберсистемы стояли – и строительные, и такие, уже демобилизованные все. Затолкали нас туда, заперли. Кто-то тихо ругается, кто-то бесится, девчонки режут, а я запускаю киберов.

Задействовал одного, он мне в задней стене лаз прожег резаком – с той стороны, я помню, все заросло кустами медоносной акации – знаете, с такими шипами, назад загнутыми, ее еще называют «подожди немного». Как раз, помню, мы пролили дождь, и кусты за одну ночь покрылись пушком – нежным таким, фисташкового цвета.

Вылез я, смотрю, интеры по нашим тентам шарят – не пропадать же добру! Другие в павильоне клуба кучкуются, песни горланят, крепленный тембо²² хлещут для храбрости... А уже вечерет, пройдет минут 15– 20, и будет темно. Ну, я, пока свет есть, сижу в кустах с пультом, программирую мои системки. Интеры все уже в клубе, только часовых выставили, да и те к бутылке прикладываются. А тут и солнце село, и свет как кто выключил – сразу стало темно...

– Тропики, – объяснили в толпе.

– Ага... Ну, я часового снял, связал, выпустил своих. Нканату и еще одного масая, Оле-Сенду, с собой оставил...

Поднялся шум.

– Это нашего Габу? – спросил скуластый Быстров.

– Нашего, – улыбнулся Жилин.

Все зашевелились и снова замерли.

– Да, – продолжал Глеб, – а остальным говорю: дуйте в вертолет, и по-быстрому, будете Шурику помогать. Это был наш старший оператор, единственный, кто когда-то вообще штурвал в руках держал. Там же все старое было – обшарпанные «анатры», еще времен Российской Федерации, с турбинами и топливными баками, можете себе представить? Ну, мы с Габой и Ивэном киберов расставили поскорее, пока интернаци о наших девушках не вспомнили... Да, я ведь что хотел – поначалу думал согнать слонов, буйволов, носорогов и пустить их на лагерь, устроить, короче, стампиду. Но ты их попробуй, стони! А потом, думаю – стоп! А зачем мне вообще зверюги? Что мне, роботов мало? Три строительные киберсистемы, в каждой по роботу-матке и по дюжине киберстроителей. Да еще ремонтные роботы, грузовые, анализаторы... О, думаю, а погоню-ка я их!

По графику дождь должен был пойти в семь пятнадцать – поднялся ветер, высохшие нижние листья пальмы дум лязгали и скрежетали, как железные. У захваченной нами «анатры» ни к селу ни к городу загорелся проблесковый маяк, потом засвистели турбины, и винты медленно-медленно пошли раскручиваться. Они нам все нервы повымотали своей неспешно-

²² Тембо – кокосовое вино.

стью... В клубе поднялась пальба, интеры вышибали окна, выпрыгивали и – бегом за тенты. Ничего в наших тентах такого особенного не было, тенты как тенты, стандартные надувные купола. Но они ж из силикета, их никакая пуля не возьмет... Тут робот-матка, точно по программе, выезжает из-за ангара. У нее было три пары щупалец, и пять из них держали по автомату – все наши трофеи. Как пустит пять очередей веером – аж сердце радуется! Интеры мигом залегли и стали отстреливаться. Помню, где-то поблизости закричал даман, рыкнул лев – только их и слышно было. Вой шести турбин глушил крики – лопасти уже слились в круги. Тут нам перестало везти. В бедного робота-матку угодил заряд из гранатомета, и на его месте вырос сноп красно-лилового пламени – как в боевике прямо... А мы с Ивэном и Габой попали под перекрестный огонь. Лежим, вжимаемся в горячую пыль, а пули так и визжат, чиркают чуть ли не по волосам. Так и убить могут, думаю, и щупаю нужную клавишу на пульте. И тут мои системки как поперли! Как затряслась под ними земля! Свист, клекот, пыль столбом! О! Это надо было видеть! Тенты – в клочья, клуб – на мелкие кусочки! Интеры брызнули в саванну, кто как – кто бегом, кто кубарем, кто окарачь... Мечутся, орут... А видели бы вы их рожи! Аж посерели от ужаса! (Смех, шум в БО. Марина гордо озирается.) Мы, правда, тоже пострадали – Габу ранило в ногу, мы его потащили с собой, а когда уже подсаживали в вертолет, нас самих зацепило – Нканате прострелили руку, а мне оцарапало плечо. Шурик сразу перевел турбины на форсаж – или как это у них там называется, – нас качнуло, замотало, и «анатра» с горем пополам взлетела. Все вокруг шаталось, дребезжало, по днищу продолбила очередь, и все – квахери, кампи ²³! Дальше уже неинтересно. А то громадное облегчение, которое я тогда испытал, словами не передашь – его почувствовать надо...

– Внимание! – прогремело по коридору. – Корабль начинает разворот через десять минут! По местам посадочного расписания! Начинаем разворот!

– Все, – властно сказал Жилин, – я в рубку, а вы – марш по каютам! Мариночка, пристегнуться не забудь!

Антон наскоро распрощался и побежал в свой БО. Дверь его была полуоткрыта, и два приятных голоска ласкали слух.

– У меня, когда целуюсь, – говорила Гунилла, – почему-то сразу глаза закрываются... А у тебя?

– У меня тоже, – ответила Яэль.

– А почему?

– Не знаю...

– А давай попробуем, когда будем целоваться, не закрывать глаз?

– Давай...

Антон на цыпочках отошел от двери, потом громко процокал подковками. Ворвался в каюту, бросив торопливое «здрас-сте», сел и пристегнулся в ногах у Яэль.

Девушка хотела что-то сказать, но в это время по всему кораблю пронеслись отрывистые звонки сигналов УО – ударной опасности. Заговорили вспомогательные двигатели. Термос покачнулся и медленно взмыл над столиком. Длинные волосы Яэль забавно развернулись в сторону, да так и повисли – наступила невесомость. С краю обзорного экрана замерцали лиловые вспышки. Снежинками в ночи посыпались звезды.

– А где это наш Гупта, интересно знать? – пропела Гунилла. Она перекатилась по дивану и щелкнула клавишей интеркома.

– ...Герметичность в норме, – долдонил компьютер, – давление в норме...

– Контрольная и ходовая системы в норме, – подключился Громько. – Фотореактор работает без перебоев, температура зеркала – норма, радиация – норма...

– Ты зачем Митрича обижаешь? – осмелился задать вопрос Антон.

²³ Квахери, кампи! – До свидания, лагерь! (суахили)

Гунилла не удивилась.

– А! – отмахнулась она. – Надоел он мне! Ходит за мной и молчит! Что я, одна говорить должна?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.